

Русская политика въ Царствѣ Польскомъ послѣ 1863 г. ¹⁾

Возстаніе 1863 г. повлекло за собой, или, вѣрнѣе сказать, ознаменовало полное *fiasco* системы маркиза Велепольскаго; а вслѣдъ за *fiasco* этой системы послѣдовало, какъ извѣстно, *fiasco* и самого возстанія. Но одно чрезвычайно существенное косвенное послѣдствіе, въ высшей степени полезное для дальнѣйшаго развитія польской народности, возстаніе, несомнѣнно, имѣло. Это была радикальная крестьянская реформа, которую, послѣ подавленія возстанія и разочаровавшись въ системѣ Велепольскаго, русское правительство положило въ основу своей политики въ Польшѣ. Первый опытъ примѣненія этой новой политики былъ сдѣланъ жестокимъ диктаторомъ сѣверо-западнаго края Муравьевымъ, и затѣмъ уже рѣшено было примѣнить эту систему и къ Царству Польскому. Опытамъ Муравьева предшествовало, однако, теоретическое построеніе и обоснованіе этой политики, несомнѣнно, составляющее заслугу тогдашнихъ московскихъ славянофиловъ, группировавшихся въ редакціи аксаковскаго *Дня*.

Среди мнѣній и взглядовъ, господствовавшихъ въ то время въ русскомъ обществѣ по польскому вопросу, славянофилы *Дня* составляли своего рода центръ. ²⁾ Представителемъ болѣе лѣвой точки зрѣнія являлся заграничный *Колоколъ* Герцена, къ которому примыкалъ и *Современникъ* Чернышевскаго, не имѣвшій, впрочемъ, возможности по цензурнымъ условіямъ изложить вполне ясно свою точку зрѣнія. ³⁾ Пред-

1) Настоящая статья по содержанию примыкаетъ къ статьѣ того же автора, помѣщенной въ январской книжкѣ нашего журнала. Ред.

2) Къ нимъ слѣдуетъ причислить и Гильфердинга, работавшаго тогда, главнымъ образомъ, въ *Русскомъ Инвалидѣ*,—органѣ военнаго министра Д. А. Милютина.

3) Такія статьи Чернышевскаго, какъ „Национальная безтактность“ (*Современникъ*, 1861 г., № 7) и „Народная безтолковость“ (*Современникъ*, 1861 г., № 9), могутъ лишь косвенно дать понять, что по польскому вопросу Чернышевскій былъ близокъ къ взглядамъ польскихъ демократовъ.

ставителемъ болѣе правыхъ взглядовъ, впрочемъ, въ то время еще очень колеблющимся, являлся Катковъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русскомъ Вѣстникѣ*. Прочіе органы русской печати не имѣли самостоятельно выработанныхъ взглядовъ по этому вопросу и колебались еще больше, чѣмъ *Русскій Вѣстникъ* Каткова. ¹⁾

Позицію *Дня* по польскому вопросу я готовъ признать не только центральной, но и наиболѣе обоснованной. Дѣло въ томъ, что публицисты славянофильскаго направленія обладали по этому вопросу гораздо болѣе подготовкой, нежели ихъ противники справа и слѣва. Въ особенности среди нихъ выдѣлялись въ этомъ отношеніи Ю. О. Самаринъ и А. Ф. Гильфердингъ. Не малое публицистическое значеніе имѣли и пылкія статьи самого редактора *Дня* И. С. Аксакова,—статьи, въ которыхъ ярко выражались сужденія и выводы, выработанные, несомнѣнно, при близкомъ участіи того же Самарина.

Остановимся сперва на мнѣніяхъ по польскому вопросу А. И. Герцена. Герценъ впервые возвысилъ свой голосъ по польскому вопросу еще въ 1853 г. Изъ двухъ первыхъ листовъ, выпущенныхъ основанной имъ русской типографіей въ Лондонѣ, одинъ относился къ Польшѣ и назывался „Поляки прощаютъ насъ“. Въ этомъ листкѣ Герценъ занялъ въ сущности ту же позицію, которую занималъ до него Михаилъ Бакунинъ въ своей извѣстной рѣчи 1847 г. Не желая, какъ и Бакунинъ, чтобы его считали отступникомъ отъ Россіи, Герценъ подчеркивалъ здѣсь свою любовь къ ней и свои надежды на русскій народъ и на широкія перспективы его развитія въ будущемъ и въ то же время рѣзко осуждалъ дѣйствія русскаго правительства по отношенію къ Польшѣ въ прошломъ и настоящемъ. При этомъ онъ выражалъ свою вѣру въ возможность полного примиренія между польскими патріотами и русской демократіей. Въ слѣдующемъ году, когда въ начавшуюся русско-турецкую войну вмѣшалась европейская коалиція и когда появились слухи о возможномъ возстаніи въ Польшѣ, Герценъ пошелъ дальше и, обращаясь къ русскимъ солдатамъ, требовалъ отъ нихъ, чтобы они присягнули въ случаѣ возстанія не поднимать своего оружія противъ Польши. Позиція Герцена въ то время была явно утопическая—сентиментально-романтическая—и притомъ съ рѣзко выраженными славянофильскими нотами. Говоря объ историческихъ судьбахъ

¹⁾ Я оставлю въ сторонѣ украинскій органъ *Основу*, занявшій съ самаго же начала весьма прочно враждебную полякамъ позицію (статья Костомарова, Кулиша и В. Б. Антоновича), по въ то время уже замолчавшій (1863 г.). Срав. сочиненія Костомарова, а также изложеніе статей Костомарова и Кулиша у А. Н. Пытина „Польскій вопросъ въ русской литературѣ“ въ *Вѣстн. Евр.* за 1880 г., № 10 и изложеніе полемики Антоновича съ Падалицей у Драгоманова „Великорусская демократія и историческая Польша“.

Польши, Герценъ писалъ въ 1853 г.: „Польша утратила на время нераздѣльную цѣлость и государственное значеніе въ искупленіе своего отчужденія, своего западнаго аристократизма, своей преданности папѣ. Ей надобно было волей или неволей снова сблизиться съ славянскимъ міромъ, вспомнить свое славянское начало“. Слова Герцена не находили въ то время отклика въ передовыхъ рядахъ русскаго общества и вызвали даже неудовольствіе его ближайшихъ друзей въ Москвѣ, такихъ, какъ Грановскій. ¹⁾ Да и среди поляковъ слова эти находили искренній откликъ, кажется, лишь въ сердцѣ такого мечтателя, какъ гр. Станиславъ Ворцель; но Ворцель представлялъ собою совершенно оригинальное явленіе въ рядахъ польской эмиграціи; не примыкая ни къ бѣлымъ, ни къ краснымъ ея группамъ, онъ являлъ собой почти единственный примѣръ въ средѣ всей польской эмиграціи социалиста-мечтателя и утописта, близкаго къ Герцену именно въ этомъ отношеніи.

Герценъ, какъ справедливо указывалъ еще Драгомановъ, въ сущности очень плохо зналъ тогда и поляковъ, и исторію Польши; да и потомъ, когда ему пришлось вести весьма ответственныя переговоры съ представителями развивавшагося польскаго движенія въ 1859—1862 гг., недостатокъ точныхъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по польскому вопросу у него лишь отчасти выкупался его общимъ политическимъ образованіемъ и его проникательнымъ и острымъ умомъ. Однако и тутъ отвлеченный энтузіазмъ къ свободѣ и преувеличенный пѣтѣтъ къ мученикамъ польской революціи нерѣдко мѣшали ему провести до конца свою собственную точку зрѣнія, подсказывавшую ему его проникательностью и демократическими принципами. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, онъ самъ горько каялся въ этомъ. Но въ 1862 г., увлеченный отчасти своими друзьями, Огаревымъ и Бакунинымъ, отчасти самими развивавшимися съ чрезвычайной быстротой событіями, онъ удовлетворился довольно двусмысленной въ сущности деклараціей двухъ пріѣхавшихъ къ нему польскихъ революціонеровъ, напечатанной въ *Колоколѣ*, и ринулся съ головой въ дѣло содѣйствія польскому возстанію. Въ деклараціи этой поляки, идя какъ бы навстрѣчу демократическимъ стремленіямъ Герцена и желая уничтожить въ немъ всѣ колебанія, заявляли, что крестьянскій вопросъ у нихъ „рѣшенъ уже всею Польшей безъ различія политическихъ партій“; что „всѣ согласны, что крестьянамъ слѣдуетъ отдать ихъ поземельный надѣлъ на основаніи выкупа“. „Общее согласіе на этотъ счетъ,—писали

¹⁾ Срав. переписку Грановскаго, изд. А. В. Станкевича, въ частности письмо къ Герцену 1854 г. на стр. 447, а также письмо къ Кавелину отъ 2 октября 1855 года на стр. 455.

польскіе революціонеры,—дало намъ, стоящимъ во главѣ движенія, возможность выразитъ въ нашей политической программѣ, что народная организація въ первую минуту возстанія надѣлится сельскихъ обывателей землей, нынѣ ими обрабатываемой, а народное правительство возьметъ на себя вознагражденіе помѣщиковъ изъ общихъ государственныхъ средствъ“. Въ этомъ отношеніи всѣ сомнѣнія Герцена были, такимъ образомъ, устранены достаточной категоричностью этого заявленія. Что же касается національнаго вопроса, то въ деклараціи сказано было такъ: „Для насъ нѣтъ Польши *раздѣленной*, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи *Польши, Литвы и Русиновъ*, безъ всякой гегемоніи котораго-нибудь изъ трехъ народовъ“. Последнія слова прибавлены были, конечно, въ утѣшеніе Герцену, такъ же какъ въ утѣшеніе ему же далѣе было указано: „Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польши въ прежнихъ ея границахъ, *оставляя народамъ, въ нихъ обитающимъ, т.-е. Литвинамъ и Русинамъ, полную свободу остаться въ союзѣ съ Польшей или распорядиться собою согласно ихъ собственной волѣ*“. Въ настоящее же время они требовали отъ этихъ частей единовременнаго и совместнаго съ коренными поляками возстанія противъ Россіи съ цѣлью отторженія отъ нея этихъ провинцій во всякомъ случаѣ“. 1) Драгомановъ справедливо указывалъ впослѣдствіи, до какой степени бѣлыми нитками шиты были всѣ истинныя тенденціи этого документа. 2) Но Герценъ, хотя и не безъ внутреннихъ колебаній, отчасти уступая давленію своихъ друзей, рѣшился признать его достаточнымъ и, печатая его въ *Колоколѣ*, сопроводилъ его примѣчаніемъ, въ которомъ, ссылаясь на чувство братства съ возстающими поляками, заявлялъ, что „тотъ русскій, который и на этихъ основаніяхъ не подастъ руки дружбы полякамъ, тотъ не любитъ свободы“. 3)

Въ слѣдующемъ № *Колокола* (отъ 15 октября 1862 г.), въ отвѣтъ своему центральному польскому комитету въ Варшавѣ, Герценъ писалъ: „что касается до насъ, намъ легко съ Вами идти; Вы идете отъ признанія правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую ими; Вы признаете право всякаго народа располагать своей судьбою.

„Это наши основы, это наши догматы, наши знамена“.

И въ этомъ же номерѣ онъ помѣстилъ воззваніе къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ, въ которомъ убѣждалъ ихъ „не подымать оружія противъ поляковъ“.

1) *Колоколъ*, октябрь 1862 г., № 146, стр. 1205—1206. Строчки, набранныя курсивомъ, набраны такъ въ *Колоколѣ*.

2) Въ статьяхъ „Историческая Польша и великорусская демократія“ въ *Вольномъ Словѣ* за 1883 г.

3) *Колоколъ*, стр. 1206.

Въ воззваніи этомъ, становясь на чисто федералистическую точку зрѣнія, Герцень старался внушить офицерамъ, что именно съ этой точки зрѣнія дѣло поляковъ и дѣло освобожденія русскихъ провинцій изъ-подъ централистической и деспотической власти Петербурга—одно и то же. Признавая, что Кіевъ такой же русскій городъ, какъ и Москва, Герцень выражалъ надежду, что поляки поймутъ это и будутъ вмѣстѣ съ русскими федералистами стремиться не къ воссозданію исторической Польши, а къ учрежденію федераціи славянскихъ республикъ. Разумѣется, это была чистѣйшая фантазія, нисколько не соответствовавшая истиннымъ намѣреніямъ и планамъ поляковъ. Превосходную критику позиціи, занятой тогда Герценомъ, далъ впоследствии Драгомановъ въ статьяхъ своихъ „Историческая Польша и великорусская демократія“. ¹⁾ Впрочемъ, и самъ Герцень созналъ впоследствии, какъ мы уже сказали, совершенную ложность занятой имъ позиціи. Позиція эта погубила, какъ извѣстно, всю его популярность въ русскомъ обществѣ, въ огромномъ большинствѣ своемъ раздѣлявшемъ взгляды на польскій вопросъ и на польское возстаніе Каткова или славянофиловъ.

Точка зрѣнія Каткова на польское возстаніе и на польскій вопросъ выражена была въ рядѣ статей *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника*. Позиція его лишена была какого-либо прочнаго принципіальнаго основанія; она мѣнялась по мѣрѣ хода виѣшнихъ событій и выражала скорѣе настроеніе, нежели какую-либо систему положеній, основанную на изученіи исторіи русско-польскихъ отношеній. Тѣмъ не менѣе вліяніе Каткова на публику было огромно, и потому выраженные имъ въ тотъ моментъ взгляды нельзя игнорировать.

Въ передовой статьѣ, напечатанной въ № 55 *Московскихъ Вѣдомостей* 12 марта 1863 года, когда возстаніе въ Польшѣ было уже въ полномъ разгарѣ, Катковъ признавалъ еще возможность и желательность полной внутренней автономіи Царства Польскаго подъ скипетромъ русскаго царя, но только безъ отдѣльной арміи и подъ условіемъ отказа поляковъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній (на западныя губ. и т. п.).

Въ передовой статьѣ отъ 29 марта (№ 69) признавалась необходимость единства Царства Польскаго съ имперіей въ отношеніяхъ финан-

¹⁾ Статьи эти были напечатаны первоначально въ *Вольномъ Словѣ* за 1883 г., потомъ издавы въ Женевѣ въ 1889 г. особой книжкой. Они составили т. I „Политическихъ сочиненій“ Драгоманова, изданныхъ въ Парижѣ въ 1905 г. редакціей *Освобожденія*, часть ихъ появилась въ Россіи въ 1906 г. (въ Казани) подъ заглавіемъ: „Герцень, Бакунинъ, Чернышевскій и польскій вопросъ“. Еще раньше тѣ же мысли изложены были Драгомановымъ въ его статьяхъ „Восточная политика Германіи и обрусеніе“ въ *Вѣстн. Евр.* за 1872 г. съ подписью М. Т.—въ. Они переизданы въ I т. его „Политическихъ сочиненій“ въ Спб. въ 1908 г.

совомъ, военномъ и общихъ политическихъ учреждений; допускалась автономія въ остальныхъ отрасляхъ управленія.

Но уже въ томъ же номерѣ помѣщена была статья Шипова, намекавшая на желательность въ Польшѣ той политики, которую пруссаки практиковали въ Познани, и, между прочимъ, указывалось на желательность распространенія въ Польшѣ русскаго языка.

4 апрѣля (№ 71) по поводу амнистїи, объявленной Александромъ II всѣмъ возставшимъ полякамъ, которые положить оружіе до 1 мая, помѣщена была передовица, по духу своему противная амнистїи, хотя это прямо и не высказывалось. Въ ней ясно было стремленіе показать, какъ все было спокойно при крѣпкомъ режимѣ матеріальной силы и какъ все заколебалось при попущеніяхъ императора Александра II. Статья оканчивалась совѣтомъ накрѣпко присоединить Польшу къ Россіи, предложивъ ей совмѣстно идти по пути прогресса при одинаковыхъ правахъ и учрежденіяхъ (*Московскія Вѣдомости* желали еще тогда учрежденій представительныхъ, хотя и не въ смыслѣ конституціонномъ) и при нѣкоторой автономїи.

Въ № 75, въ передовицѣ отъ 9 апрѣля было, между прочимъ, сказано: „русскіе люди не только не желали бы, чтобы русское правительство казнями продолжало борьбу противъ поляковъ, но они не желали бы, чтобы по усмиренїи возстанія у Польскаго края были отняты или стѣснены виды на дальнѣйшее развитіе. Не подавлять польскую народность, а призвать ее къ новой общей съ Россїей политической жизни—вотъ что лежитъ въ интересахъ Россїи, самой Польши и цѣлой Европы“. ¹⁾

Тонъ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника* замѣтно измѣнился въ сторону, неблагоприятную для Польши, во вторую половину 1863 г., послѣ извѣстной дипломатической кампанїи европейскихъ державъ противъ Россїи. При этомъ Катковъ рѣзко обрушивался на славянофиловъ *Дня*, предлагавшихъ созвать сеймъ въ Польшѣ и даже предоставить ей полную независимость. Самъ Катковъ въ это время все болѣе и болѣе утверждался въ мысли о необходимости полной инкорпораціи Царства Польскаго. Въ извѣстной статьѣ „Что намъ дѣлать съ Польшей?“, помѣщенной въ № 3 *Русскаго Вѣстника*, который вышелъ въ свѣтъ по независѣвшимъ отъ редакціи обстоятельствамъ лишь 30 мая, Катковъ писалъ: „...Польскій вопросъ можетъ быть рѣ-

¹⁾ Напрасно читатель сталъ бы искать всѣ выписанныя мѣста въ извѣстномъ собранїи статей Каткова по польскому вопросу, изданномъ въ 1887 г. подъ заглавіемъ „М. Н. Катковъ. 1863 годъ“. Это изданіе—фальсифицированное, и въ него вошли только тѣ статьи и части статей, которыя соответствовали позднѣйшимъ взглядамъ Каткова. Срав. В. А. Любимова „М. Н. Катковъ и его историческая задача“. Спб., 1889 г., стр. 10.

шенъ удовлетворительнымъ образомъ только посредствомъ полного соединенія Польши съ Россіей въ государственномъ отношеніи. Россія можетъ дать Польшѣ болѣе или менѣе близкіе виды на такое управленіе, которое вполнѣ удовлетворитъ всѣмъ законнымъ требованіямъ ея народонаселенія и далѣе которыхъ не могутъ простираются виды европейскихкихъ державъ, которымъ угодно заниматься теперь судьбою Польши. Польскій край можетъ имѣть свое мѣстное самоуправленіе, быть обезпеченнымъ во всѣхъ гражданскихъ и религіозныхъ интересахъ своихъ, сохранять свой языкъ и свои обычаи. Но децентрализованная сколько возможно въ административномъ отношеніи Польша должна быть крѣпкою частью Россіи въ политическомъ отношеніи. Что же касается до политическаго представительства, то, въ соединеніи съ Россіей, Польша можетъ имѣть его не иначе, какъ въ томъ духѣ и смыслѣ, которые выработались исторіей Россіи, а не по какому-нибудь искусственному типу, равно чуждому и польской и русской исторіи“. ¹⁾

Въ послѣднихъ строкахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ этой статьи, Катковъ самъ становился въ сущности по вопросу о формѣ и роли государственнаго представительства на точку зрѣнія критикуемыхъ имъ славянофиловъ. Эту шаткость его основныхъ положеній не безъ ироніи тогда же отмѣтили въ язвительной замѣткѣ „по поводу мнѣнія *Русскаго Вѣстника* о занятіяхъ философіею, о народныхъ началахъ и объ отношеніи ихъ къ цивилизаціи“ Ю. Ѳ. Самаринъ. ²⁾

Въ газетѣ *День* по польскому вопросу болѣе всего помѣщено было статей самого редактора П. С. Аксакова. Статьи эти, всегда краснорѣчивыя и пылкія, обращали на себя большое вниманіе, но несомнѣнно по ясности мысли, по трезвости и выдержанности содержанія и по обоснованности своей онѣ далеко уступали статьямъ двухъ другихъ сотрудниковъ *Дня*—А. Ф. Гильфердинга и Ю. Ѳ. Самарина. Аксаковъ не былъ знаткомъ польскаго вопроса и нерѣдко обосновывалъ свои взгляды и мнѣнія на-лету пойманными фактами, свѣдѣніями и наблюденіями, которыми были очень богаты оба его сотрудника. Онъ стоялъ на довольно сантиментальной и утопической точкѣ зрѣнія, которой измѣнилъ впоследствии (въ 1865—66 гг.), повидимому, безъ большихъ колебаній. Въ 1861—63 гг. въ основу своихъ мнѣній онъ стремился положить принципы отвлеченной справедливости и фактъ племеннаго родства съ поляками. Онъ настойчиво указывалъ тогда, что необходимо прежде всего дознать отъ самихъ поляковъ, чего они желаютъ и какое

¹⁾ *Русскій Вѣстникъ* за 1863 г., № 3, стр. 506. Есть извѣстіе (у Любимова), что статья эта произвела сильное впечатлѣніе на императрицу Марію Александровну и на самого императора Александра.

²⁾ № 76 *Дня* 7 сентября 1863 г. Перепечатано въ сочиненіяхъ Самарина, т. I, стр. 266.

рѣшеніе вопроса ихъ удовлетворить, для чего предлагалъ собрать сеймъ въ Варшавѣ, рѣшеніе котораго потомъ подвергнуть обсужденію русскаго земскаго собора, при чемъ оба эти собранія, согласно славянофильской теоріи, не должны были имѣть никакого рѣшающаго голоса. Онъ оговаривалъ, впрочемъ, что въ составъ сейма должны были войти, на равныхъ правахъ съ представителями шляхты, и представители польскаго крестьянства. Послѣднее онъ полагалъ, по недоразумѣнію, свободнымъ и сознательнымъ, считая, что Наполеонъ освободилъ его отъ крѣпостной зависимости „въ 1812 г. на пути въ Россію“ (sic). ¹⁾ На-ряду съ этимъ Аксаковъ утверждалъ, что съ русской точки зрѣнія отнюдь нежелательно принудительно удерживать Польшу въ соединеніи съ Россіей, но онъ надѣялся, что на всенародномъ сеймѣ сама Польша признаетъ желательность свободнаго и дружественнаго соединенія съ Россіей и что такимъ образомъ польскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ миролюбиво къ обоюдному удовольствію. Позднѣе, убѣдившись въ фиктивности освобожденія крестьянъ въ Польшѣ при Наполеонѣ, Аксаковъ полагалъ, что, прежде чѣмъ освободить Польшу и предоставить ей самой рѣшить свою участь, надо дѣйствительно освободить въ ней крестьянъ *съ землей* на тѣхъ же основаніяхъ, какъ они были освобождены въ Россіи. ²⁾ Впослѣдствіи онъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свою точку зрѣнія и съ конца 60-хъ годовъ отстаивалъ полную инкорпорацію Польши, одобряя при этомъ и всѣ позднѣйшія мѣры русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ.

Гильфердингъ сомнѣвался въ осуществимости въ ближайшее время аксаковскихъ пожеланій 1863 года. Въ статьѣ „Въ чемъ искать разрѣшеніе польскому вопросу?“ онъ заявлялъ, что Польша ставитъ Россію въ постоянное противорѣчіе съ самой собой. Мы не можемъ, по его мнѣнію, отдать Польшу полякамъ, потому что поляки захотѣли бы захватить и наши западныя провинціи; не можемъ ее отдать Германіи и Австріи, потому что это было бы измѣной славянскому міру. Соединить Польшу съ Россіей можно двумя способами: 1) диктатурой, но ея вредъ доказанъ; 2) какими-либо общими государственными учрежденіями (подобно тому, какъ это предлагалъ Катковъ), но и тутъ зерно раздора—западныя губерніи. Въ нихъ, по мнѣнію Гильфердинга, главная трудность вопроса. Если бы русскій народъ въ западномъ краѣ выбылъ изъ-подъ власти польскаго пана и окрѣпъ въ своемъ самосознаніи, то для Россіи настала бы возможность отказаться отъ собственной Польши, не опасаясь при этомъ потери западныхъ губерній.

1) Сочиненія *И. С. Аксакова*, т. III. „Польскій вопросъ и западно-русское дѣло“, стр. 20.

2) Тамъ же, стр. 139—140 и *passim*.

Для того момента Гильфердингъ указывалъ двѣ задачи въ Польшѣ, разрѣшеніе которыхъ могло бы, по его мнѣнію, если не разрѣшить, то временно устранить польскій вопросъ: 1) доставить самостоятельность польскому крестьянству; 2) употребить въ Польшѣ всѣ усилія для распространенія серьезнаго научнаго образованія. Самостоятельность крестьянства устранить польскій вопросъ, потому что устранить преобладаніе шляхты, которая его поддерживает; наука устранить мистически-религіозный сепаратизмъ и историческую фальшь изъ польскаго общества. ¹⁾

Весьма обдуманное трактованіе польскаго вопроса давала блестящая статья Ю. О. Самарина „Современный объемъ польскаго вопроса“, напечатанная въ № 38 *Дня* 21 сентября 1863 г.

Въ статьѣ этой Самаринъ указывалъ прежде всего, что польскій вопросъ слагается въ сущности „изъ *трехъ вопросовъ*, по существу своему *различныхъ*, несмотря на ихъ тѣсную связь“.

„*Поляки*—какъ народъ, какъ особенная стихія въ группѣ славянскихъ племень.

„*Польша*—какъ самостоятельное государство.

„Наконецъ, Польша или точнѣе: *полонизмъ*,—какъ просвѣтительное начало, какъ представительство и вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра.

„Эти три понятія,—писалъ Самаринъ,—безпрестанно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое. Вся политика поляковъ заключается въ ихъ *отожествленіи*; наша политика—въ ихъ *разъединеніи*“.

Затѣмъ онъ признавалъ безусловно право поляковъ, какъ народа, на полное культурное самоопредѣленіе, или, какъ онъ выражался, „право на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ“, подразумѣвая подъ этимъ „свободу вѣроисповѣданія, официальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта“.

Что касается Польши, какъ самостоятельнаго государства, то Самаринъ указывалъ прежде всего, что возстановленіе такового зависить отъ цѣлаго ряда условій и вовсе не вытекаетъ изъ факта существованія Польши, какъ особой національности; затѣмъ онъ указывалъ, что съ русской точки зрѣнія оно можетъ быть признано допустимымъ лишь въ этнографическихъ границахъ, между тѣмъ какъ исторически оно стремилось къ непомѣрному распространенію своего владычества на востокъ, оправдывая это свое стремленіе особой культурно- и религіозно-просвѣтительной миссіей, которую Самаринъ и обозначалъ терминомъ „*полонизмъ*“. На необходимость борьбы съ этимъ стремленіемъ Самаринъ не

¹⁾ Сочиненія А. Ф. Гильфердинга, т. II, стр. 360.

только указывалъ, но и старался обосновать законность, справедливость и обязательность для насъ этой борьбы съ своей славянофильской точки зрѣнія. Подробно охарактеризовавъ и раскрывъ историческій смыслъ полонизма, какъ культурно-религіознаго и притомъ въ высшей степени агрессивнаго начала, и ярко выразивъ невозможность терпимаго отношенія къ нему съ русской точки зрѣнія, Самаринъ переходилъ къ формулировкѣ и критикѣ современныхъ ему постановокъ польскаго вопроса. По его мнѣнію, возможность окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса для Россіи могла наступить не ранѣе полной побѣды надъ полонизмомъ, полного его обезвреженія, съ одной стороны, и приведенія, съ другой стороны, самой Польши въ такое внутреннее состояніе, при которомъ сдѣлалось бы возможнымъ и допустимымъ возстановленіе самостоятельнаго польскаго государства.

Для даннаго момента Самаринъ требовалъ прежде всего подавленія мятежа въ Польшѣ самыми дѣйствительными мѣрами, каковыми въ то время въ Царствѣ Польскомъ онъ признавалъ подчиненіе всего гражданскаго управленія военному и проведеніе крестьянской реформы, т.-е. правильнаго устройства крестьянъ въ аграрномъ и общественномъ отношеніяхъ. Затѣмъ онъ указывалъ на необходимость „локализовать политическій вопросъ о Польшѣ въ предѣлахъ царства, подрѣзавъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и на Украинѣ всѣ корни полонизма и обезпечивъ преобладаніе русской и православной стихіи надъ латино-польскою“. Для этого онъ рекомендовалъ прежде всего немедленную ликвидацію обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ западномъ краѣ, передачу народнаго начальнаго образованія въ этихъ губерніяхъ въ руки православнаго духовенства и введеніе въ нихъ земскихъ учрежденій съ предоставленіемъ между прочимъ и въ этихъ послѣднихъ участія православному духовенству.

Когда все это будетъ исполнено, — „когда въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ Россіи народная сила станетъ на ноги и приобрѣтетъ достаточныя средства для самоохраненія и саморазвитія, *польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи*“.

Для будущаго рѣшенія этого вопроса въ Царствѣ Польскомъ Самаринъ видѣлъ лишь два пути: или „нераздѣльное сочетаніе Польши съ Россіею учрежденіемъ въ первой власти, въ русскихъ рукахъ сосредоточенной и настолько сильной, чтобы убѣдить поляковъ въ безнадежности всякаго возстанія“, или „добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польскаго Царства“.

Въ случаѣ, если бы Россія избрала этотъ второй путь, который рисовался Самарину вполне возможнымъ, онъ рекомендовалъ неразрывно связать свое отреченіе отъ Царства Польскаго съ единовременнымъ разрѣшеніемъ въ томъ же духѣ поставленныхъ, но еще не разрѣшенныхъ

тогда вопросовъ объ Италіи, т.-е. объ уступкѣ Италіи итальянскихъ областей Австріи, и о подвластныхъ Турціи племенахъ славянскихъ. Затѣмъ Самаринъ полагалъ, что, отказавшись отъ Польши, Россія не должна принимать на себя никакихъ гарантій относительно прочности и цѣлости новообразованной польской державы. ¹⁾

Политика, рекомендованная славянофилами въ Западномъ краѣ, была въ это время уже энергично осуществляема самыми рѣшительными и жестокими мѣрами вилепискимъ генераль-губернаторомъ Муравьевымъ. Относительно Царства Польскаго колебанія продолжались до августа 1863 г. Уже при начавшемся возстаніи проведена была въ законодательномъ порядкѣ значительная часть мѣръ, предложенныхъ Велепольскимъ. Въ августѣ 1863 г., когда давно истекъ срокъ, назначенный для условной амнистіи, объявленной императоромъ Александромъ, и когда возстаніе находилось въ полномъ разгарѣ, въ правительственныхъ кругахъ еще обсуждалась мысль—если не о дарованіи Царству Польскому особой конституціи, то о введеніи въ немъ особаго областного представительства въ формѣ провинціальныхъ штатовъ. Мнѣ довелось видѣть сохранившійся подлинный докладъ министра статсъ-секретаря Царства Польскаго Платонова по этому предмету съ собственноручной резолюціей Александра II отъ 5 августа 1863 г. Въ резолюціи этой Александръ написалъ, что, прочитавъ со вниманіемъ представленный ему очеркъ исторіи различныхъ представительныхъ учрежденій Варшавскаго Герцогства, Царства Польскаго при Александрѣ I и австрійской Галиціи, онъ не находитъ въ нихъ главнаго—возможной организаціи провинціальныхъ штатовъ. Считая, что о сеймѣ въ данное время „не можетъ быть и рѣчи“, онъ требовалъ отъ Платонова особаго доклада объ основаніяхъ, на какихъ могутъ быть введены въ Царствѣ провинціальные штаты. И Платоновъ представилъ ему объ этомъ подробный собственноручно составленный имъ докладъ на французскомъ языкѣ отъ 12—24 августа 1863 г., который однако уже не получилъ движенія и на которомъ нѣтъ уже и резолюціи государя. Очевидно, въ этотъ именно моментъ окончательно рѣшено было оставить систему Велепольскаго и обратиться къ системѣ, выставленной славянофилами и въ значительной мѣрѣ уже примѣнявшейся въ это время въ Литвѣ. Для ея осуществленія избранъ былъ государственный человѣкъ, связавшій пезадолго передъ этимъ свое имя съ крестьянской реформой въ Россіи и лично близкій съ представителями славянофильской группы—Н. А. Милютинъ. ²⁾

¹⁾ Сочиненія Ю. Ф. Самарина, т. I, стр. 325 и слѣд.

²⁾ О дѣятельности Н. А. Милютина въ Польшѣ см. книгу *A. Leroy-Beaulieu* „Un homme d'etat russe (N. Milutine)“. Р., 1884 и мои статьи „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ“ въ „Очеркахъ по исторіи общественаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“, а также *В. Д. Спасогича* „Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ“ въ *Вѣст. Евр.* за 1902 г. и въ сборникѣ „В. А. Арцимовичъ. Воспоминанія.—Характеристики“. Слб., 1904 г.

Въ высшихъ сферахъ мелькала мысль о назначеніи Милютина въ Польшу еще въ 1862 г.—и онъ былъ тогда даже вызванъ для этого въ Петербургъ изъ Парижа, гдѣ отдыхалъ послѣ отставки своей изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, данной ему въ 1861 г. Но тогда мысль эта была оставлена, въ виду предложенія великаго князя Константина Николаевича ѣхать въ Польшу въ качествѣ намѣстника для проведенія тамъ системы маркiza Велепольскаго. Теперь, послѣ крушенія этой системы и послѣ рѣшенія попытаться проводить въ Польшѣ „крестьяно-филъскую“ политику, Милютинъ естественно признавался самымъ подходящимъ кандидатомъ. За эту комбинацію крѣпко ухватился самъ императоръ Александръ II, и хотя Милютинъ, совершенно незнакомый съ Польшей и вовсе не желавшій брать на себя дѣло, связанное съ подавленіемъ возстанія и съ репрессивными мѣрами, сперва упорно отказывался отъ этой миссіи, однако, кончилъ онъ тѣмъ, что долженъ былъ согласиться на нее, подъ условіемъ, что ему будетъ дана пока лишь временная командировка, причемъ главной его задачей будетъ выясненіе условій, на которыхъ можетъ быть проведена крестьянская реформа въ Польшѣ. Однако Александръ, соглашаясь на то, чтобы командировка Милютина имѣла пока временный характеръ, въ то же время заявилъ ему, что *вся* администрація Польши въ плохомъ состояніи и что онъ желалъ бы, чтобы Милютинъ занялся вопросомъ полнаго ея обновленія. Еще до этого разговора съ государемъ Милютинъ совѣтовался на этотъ счетъ и съ Самаринимъ, и послѣдній, внимательно обсудивъ совмѣстно съ Милютинымъ положеніе польскаго вопроса, совѣтовалъ ему не отказываться. Здѣсь любопытно отмѣтить, что именно послѣ этого своего разговора съ Милютинымъ Самаринъ и написалъ свою важнѣйшую статью по польскому вопросу, изложенную выше. Милютинъ же, принявъ назначеніе, тотчасъ же обратился съ просьбой о сотрудничествѣ и къ Самарину, и къ Черкасскому, испытаннымъ своимъ сотрудникамъ по крестьянскому дѣлу, и оба они согласились поѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Варшаву. Участіе Самарина тутъ было особенно важно, такъ какъ въ данномъ дѣлѣ онъ являлся не только испытаннымъ дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу вообще, но и человѣкомъ, въ данный моментъ имѣвшимъ во всей Россіи, быть можетъ, наиболѣе продуманный и обоснованный взглядъ на содержаніе польскаго вопроса вообще и на возможные способы его рѣшенія для данного времени.

Мы не будемъ здѣсь описывать, какъ было изслѣдовано Милютинымъ и его сотрудниками положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и какъ разработана была ими крестьянская реформа, осуществленная, въ видѣ указовъ 19 февраля 1864 года, подъ ихъ же ближайшимъ руководствомъ. Исторіи этого дѣла мы посвятили когда-то спеціальныя статьи, напеча-

танныя въ *Русской же Мысли* въ 1894 году. ¹⁾ Теперь скажемъ только въ краткихъ словахъ, въ чемъ заключалась эта несомнѣнно великая реформа. Ею были разрѣшены весьма радикальнымъ образомъ два вопроса: вопросъ поземельнаго устройства крестьянъ и вопросъ общественнаго административнаго ихъ устройства. Въ отношеніи поземельнаго устройства исходнымъ пунктомъ было принято существовавшее фактическое землепользованіе крестьянъ и указъ 26 мая 1846 г., обезпечивавшій тѣмъ изъ нихъ, которые владѣли участками не менѣе 3-хъ морговъ ($1\frac{1}{2}$ десятины), ненарушимость этого пользованія по произволу помѣщиковъ. По указу I-му 19 февраля 1864 г. за крестьянами были укрѣплены въ собственность всѣ тѣ земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которыми они владѣли въ моментъ изданія указа, независимо отъ ихъ размѣра; но кромѣ того имъ должны были быть возвращены и тѣ участки, которыми они имѣли право пользоваться по указу 1846 г., по которыя впоследствии были у нихъ отобраны вопреки этому указу помѣщиками, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Сверхъ того, крестьянамъ предоставлено было пользоваться сервитутами на помѣщичьихъ угодіяхъ, гдѣ такіе сервитуты существовали, т.-е. пасты свой скотъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ и на помѣщичьихъ земляхъ, по снятіи съ нихъ урожая, и получать изъ помѣщичьихъ лѣсовъ топливо и дерево на починку строеній, а также собирать мохъ и листья на подстилку для скота. Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, какъ натуральныя, такъ и денежныя, должны были немедленно прекратиться, причемъ казна должна была выдать помѣщикамъ за это особый выкупъ, довольно скупо вычисленный, въ видѣ процентныхъ бумагъ (ликвидационныхъ листовъ). На крестьянъ же—въ отличіе отъ русскихъ крестьянъ—никакихъ выкупныхъ платежей для погашенія выкупной суммы наложено не было; а взамѣнъ этого просто были увеличены налоги съ земли, какъ крестьянской, такъ и помѣщичьей въ соответствующемъ размѣрѣ. Замѣчательно, что необходимость немедленнаго прекращенія повинностей крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, притомъ безъ всякихъ специальныхъ выкупныхъ платежей съ крестьянъ, открыто мотивировалась тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьяне по распоряженію революціоннаго ржонда въ продолженіе болѣе года уже не отбывали повинностей и имъ было обѣщано ржондомъ безвозмездное укрѣпленіе земли въ ихъ собственность. Предполагалось, что русское правительство въ этомъ случаѣ должно удовлетворить крестьянъ въ размѣрѣ не меньшемъ, нежели имъ обѣщало польское революціонное правительство. Разсчитывали, что эта мѣра одновременно укрѣпитъ преданность крестьянъ русскому правительству и послужитъ справедливымъ возмездіемъ польскому дворянству за его участіе въ мятежѣ.

¹⁾ № 3, 8 и 9.

Въ отношеніи административнаго устройства крестьянъ (указъ II) за исходный пунктъ принято было русское положеніе 19 февраля 1861 г., но съ принятіемъ въ расчетъ того гминнаго устройства, которое существовало въ Царствѣ Польскомъ и реформа котораго была выработана маркизомъ Велепольскимъ. Крестьяне соединялись въ сельскія общества, которыя получали такое же въ общихъ чертахъ устройство и сельское самоуправленіе, какъ и въ Россіи, съ сельскимъ сходомъ и выборнымъ старостой (солтысомъ). Но второю инстанцію этого сельскаго самоуправления, въ отличіе отъ Россіи, являлись не крестьянскія волости, а всесословныя гмины, которыя организованы были однако почти такъ же, какъ и въ Россіи, съ тою только разницею, что въ составъ гминнаго схода введены были землевладѣльцы всѣхъ сословіи, владѣющіе участками не менѣе 3-хъ морговъ ($1\frac{1}{2}$ дес.), а слѣдовательно и помѣщики. Организациа гминныхъ правленій и гминныхъ судовъ (до 1876 г.) была аналогична организации волостныхъ правленій и волостныхъ судовъ. Включеніе помѣщиковъ въ составъ гминныхъ сходовъ въ сущности не давало имъ никакихъ фактическихъ выгодъ, ибо голоса ихъ на сходѣ тонули въ массѣ крестьянскихъ голосовъ, участіе же въ общественной службѣ представляло мало привлекательнаго, такъ какъ войты гминъ (старшины) и лавники (гм. судьи) подчинялись такой же дисциплинарной власти уѣздныхъ начальниковъ (исправниковъ), какъ волостныя старшины въ Россіи—власти мировыхъ посредниковъ и нынѣшнихъ земскихъ начальниковъ. Въ то же время гминный сходъ могъ раскладывать принятые имъ расходы на всѣ земли гмины, въ томъ числѣ и помѣщичьи.

Составителямъ указовъ 19 февраля 1864 г. очень нерѣдко бросалось обвиненіе, что они руководствовались при проектированіи этихъ указовъ чисто демагогическими или макіавеллистическими принципами, стремясь раздуть и поддержать въ Польшѣ враждебныя отношенія между крестьянами и помѣщиками, чтобы примѣнить здѣсь римское правило „divide et impera“ и обезпечить такимъ образомъ на долгое время, если не навсегда, возможность деспотическаго господства русскому правительству въ Польшѣ. Однако, принимая во вниманіе взгляды авторовъ этихъ проектовъ и политическія убѣжденія той группы русской интеллигенци, къ которой они принадлежали (выше мы ихъ охарактеризовали), едва ли можно добросовѣстно поддерживать такое обвиненіе противъ ихъ дѣятельности въ 1863 году. Несомнѣнно, душой всего дѣла среди нихъ являлся тотъ самый Юрій Самаринъ, статью котораго по польскому вопросу мы только что изложили, а всѣ они вмѣстѣ, съ Николаемъ Милютинимъ во главѣ, за три года передъ тѣмъ отстаивали аналогичныя принципы крестьянской реформы въ Россіи, гдѣ даже враги едва ли могли приписать имъ какіе-либо демагогическіе или ма-

кѣвеллистическіе принципы. Задача, за которую они принялись съ такою энергіей въ 1863 г. въ Польшѣ, во-первыхъ, совершенно соотвѣтствовала общимъ ихъ демократическимъ взглядамъ, а во-вторыхъ, она совершенно совпадала съ тѣми заданіями русской политики въ Польшѣ, которыя были выставлены газетою *День* и не заключали въ себѣ, какъ мы видѣли, ничего демагогическаго.

Въ статьяхъ Гильфердинга и Самарина была отчетливо формулирована политическая задача Россіи въ Польшѣ; задача эта заключалась въ томъ, чтобы, съ одной стороны, перестроить социальный строй Польши—сдѣлать ее страной демократической, а съ другой—постараться уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить въ ней тѣ ея миссіонерскія и культуртрегерскія тенденціи, которыми она оправдывала свое стремленіе на Востокъ и на почвѣ которыхъ развивалась многовѣковая борьба ея съ Русью. Эта вторая задача должна была быть разрѣшена, во-первыхъ, реформой народнаго просвѣщенія въ Польшѣ и, во-вторыхъ, прямой борьбой съ агрессивными стремленіями католическаго духовенства, которое поэтому также должно было подвергнуться весьма энергичному воздѣйствію и цѣлой системѣ репрессивныхъ мѣръ русской государственной власти въ Польшѣ. Система эта имѣла такимъ образомъ въ виду рядъ глубокихъ органическихъ преобразованій, которыя должны были внести совершенно новыя начала въ жизнь Польши; но она вовсе не имѣла въ виду ни обрусенія этой страны, ни полной ея инкорпорации. Наоборотъ, съ точки зрѣнія идеологовъ этой системы, какъ видѣли мы выше, представлялось возможнымъ, въ случаѣ удачнаго осуществленія всѣхъ задуманныхъ мѣръ, послѣ кореннаго социальнаго преобразованія Польши, размежеваться съ ней окончательно, совершенно освободить ее, подъ условіемъ отказа отъ всякихъ притязаній на западныя малорусскія, бѣлорусскія и литовскія провинціи Россіи. Предполагалось, что съ Польшей, демократизированной и освобожденной отъ клерикально-просвѣтительныхъ стремленій, но вовсе не лишенной самостоятельности, возможно будетъ заключить прочный договоръ, выгодный и для нея, и для Россіи.

Милютинъ въ 1863 г. совершенно усвоилъ себѣ именно эту программу, и нельзя не признать, что первый шагъ по пути ея осуществленія былъ выполненъ, въ видѣ указовъ 19 февраля 1864 г., блестящимъ образомъ.

23 марта 1864 г., посылая эти указы къ одному изъ прежнихъ своихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ проведения крестьянской реформы въ Россіи—къ Я. А. Соловьеву—и желая и его привлечь къ участию въ новой своей дѣятельности, Милютинъ писалъ ему:

„Это лишь первый шагъ по пути реформъ, которыя должны теперь получить энергическое развитіе и коснуться всѣхъ вѣтвей администра-

ція: финансовъ, народнаго просвѣщенія, полиціи и судовъ. *Все это должно быть сдѣлано въ виду ясно поставленной цѣли: поднять и поставить на ноги униженныя массы, противопоставляя ихъ олигархіи, которую до сихъ поръ были пропитаны все польскія учрежденія*.¹⁾

Слѣдующею мѣрою, вслѣдъ за изданіемъ основныхъ положеній крестьянской реформы, за которую принялся Милютинъ, было преобразование системы народнаго просвѣщенія въ Польшѣ. Главнымъ сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ на первыхъ порахъ А. Ѳ. Гильфердингъ—авторъ вышензложенныхъ статей въ *Дни* и *Русскомъ Инвалидѣ*.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту устройства учебной части въ Царствѣ Польскомъ, составленной Гильфердингомъ, была подвергнута рѣзкой критикѣ какъ репрессивная система, введенная въ Польшѣ Уваровымъ и Паскевичемъ въ 30-хъ и 40-хъ гг., такъ и недавно изданный уставъ 8 мая 1862 г., разработанный Велепольскимъ. „Общественное образованіе,—сказано было въ запискѣ Милютина,—было политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 годъ; въ 1861 г. оно же обратилось, какъ политическое орудіе, противъ насъ. Можемъ ли мы оставаться на этой почвѣ? Надобно себѣ рѣшительно сказать, что нѣтъ“.²⁾

Указывая, что, благодаря системѣ Паскевича и Уварова, уровень образованія въ Польшѣ чрезвычайно понизился, и что новое поколѣніе, будучи, благодаря этой системѣ, значительно невѣжественнѣе стараго, въ то же время въ политическомъ отношеніи оказалось гораздо хуже, гораздо намъ враждебнѣе, составители записки писали:

„Затрудняя полякамъ доступъ къ высшему образованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе въ ущербъ серьезной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали просторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на людей полуобразованныхъ... система воспитанія отстраняла все то, что способно направить молодого человѣка къ критическому анализу и приучить его къ логической провѣркѣ своихъ мыслей. Такимъ образомъ приготовилась почва, на которой всякая ложь могла привиться къ обществу, по своей природѣ легковѣрному, и гдѣ крайній матеріализмъ такъ безобразно сочетался съ подчиненіемъ фанатическому духовенству.“

„Съ другой стороны, явное предпочтеніе, оказываемое русскому языку передъ польскимъ во всѣхъ училищахъ, имѣло послѣдствіемъ, что мы раздражали поляковъ, не достигая никакихъ существенныхъ результатовъ; мы не обрυσли ни одного поляка, а между тѣмъ являлись какъ бы посягающими на польскую національность“...

1) *A. Leroy-Beaulieu*, op. c., стр. 282.

2) Записка эта напечатана въ *Славян. Обзорнѣи* за 1893 г., кн. VII—VIII, стр. 311.

Эти начала были одобрены въ главномъ комитетѣ по устройству Царства Польскаго, и соотвѣтственно имъ въ рескриптѣ 30 августа 1864 г., при которомъ былъ обнародованъ новыи уставъ, было сказано:

„При устройствѣ учебныхъ заведеній, особенно среднихъ и высшихъ, собственно въ отношеніи педагогическомъ, главною заботою правительства должно быть распространеніе въ юношествѣ здравыхъ познаній и развитіе въ немъ любви къ дѣльному труду и основательному научно-му образованію. *Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было превращать разсадникъ наукъ въ орудіе для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая системы общественнаго воспитанія въ Царствѣ и возвышая въ немъ уровень преподаванія*“... 1)

Еще болѣе показательна была точка зрѣнія Милютвина на задачи начального образованія въ Царствѣ Польскомъ. Онъ, разумѣется, прекрасно зналъ, что съ макиавеллистической точки зрѣнія, если бы ставить задачей русской политики въ Царствѣ Польскомъ просто обезпеченіе слѣпой преданности правительству со стороны крестьянъ и возможно большаго разъединенія между ними и польскою интеллигенціей, можно было признать выгоднымъ, облагодѣтельствовать крестьянъ въ матеріальномъ отношеніи, держать ихъ въ полномъ невѣжествѣ, при которомъ имъ чуждо было бы всякое національное самосознаніе. Но Милютвинъ рѣшительно отвергалъ эту точку зрѣнія и прямо заявлялъ, что онъ вовсе не боится сознательнаго національнаго чувства въ крестьянахъ, такъ какъ онъ ничего не имѣлъ противъ сохраненія польской національности и желалъ лишь, чтобы эта обновленная національность была чужда шляхетскихъ и клерикальных традицій, которыя, какъ онъ надѣялся, не должны были соотвѣтствовать тому демократическому духу, развитія котораго онъ ждалъ въ возрожденномъ къ новой сознательной и независимой жизни крестьянствѣ. Поэтому, считая необходимымъ расширить какъ можно больше доступъ къ начальному образованію крестьянству, онъ желалъ лишь сдѣлать народныя школы свободными отъ всякой зависимости какъ отъ духовенства, такъ и отъ помѣщиковъ, и, чтобы осуществить это, подчинилъ ихъ всецѣло ново-созданному сельскому и гминному самоуправленію подъ контролемъ учебныхъ дирекцій.

Въ рескриптѣ 30 августа 1864 г. было сказано: „Съ новымъ устройствомъ сельскаго быта въ Польшѣ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ административномъ отношеніи, возникаетъ настоятельная надобность распространить и упрочить элементарное обученіе между крестьянами. При такомъ лишь условіи они вполне воспользуются благодѣянiami но-

1) *Dziennik praw*, т. LXII, стр. 326—330.
книга III, 1915 г.

ваго закона и представлять твердый оплотъ для охраненія общественнаго мира и порядка“. Упомянувъ далѣе о повсемѣстномъ сознаниіи самими крестьянами необходимости образованія, императоръ писалъ въ этомъ рескриптѣ намѣстнику гр. Бергу: „Не сомнѣваюсь, что при вашемъ личномъ содѣйствіи возникнетъ и устроится въ самомъ непродолжительномъ времени надлежащее число сельскихъ школъ и, такимъ образомъ, пополнится одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ въ прежнихъ системахъ польскаго общественнаго воспитанія“.

Не было и рѣчи, конечно, о преподаваніи въ начальныхъ школахъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ поляками, на какомъ-либо языкѣ, кромѣ польскаго. Исключеніе дѣлалось лишь для мѣстъ, гдѣ языкъ самого мѣстнаго населенія былъ не польскій, а литовскій (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Августовской губерніи), русинскій (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Люблинской губ.) или нѣмецкій (у нѣмцевъ-колонистовъ). Тогда эти исключенія казались всѣмъ совершенно невинными.

Таковы были принципы, на которыхъ предполагалось въ 1864 г. устроить въ Польшѣ учебное дѣло.

Для разработки другихъ сторонъ общественной жизни, администраціи и суда и для развитія въ подробностяхъ крестьянской реформы при ея осуществленіи образованъ былъ, по плану Милютина же, въ Царствѣ Польскомъ особый *учредительный комитетъ*, въ составъ котораго первоначально вошли: командированный въ Польшу одновременно съ Милютинымъ главнымъ образомъ для подготовленія тамъ судебной реформы сенаторъ В. А. Арцимовичъ и кн. В. А. Черкасскій, назначенный главнымъ директоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ; а затѣмъ къ нимъ присоединились: по приглашенію Милютина Я. А. Соловьевъ—въ качествѣ члена, завѣдующаго дѣлами комитета, а позднѣе и предсѣдателя центральной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ,—и А. И. Кошелевъ (извѣстный славянофилъ)—въ качествѣ главнаго директора комиссіи финансовъ; и по представленію гр. Берга: Р. И. Брауншвейгъ (бывшій ранѣе губернаторомъ) и ген. Заболоцкій (извѣстный лишь тѣмъ, что первый распорядился стрѣлять въ 1861 г. по демонстрантамъ одной изъ процессій въ Варшавѣ).

Учредительный комитетъ былъ своего рода законоподготовительнымъ и вмѣстѣ распорядительнымъ установленіемъ, созданнымъ по мысли Милютина, въ виду тѣхъ особыхъ условій, въ которыхъ Милютину приходилось вырабатывать и проводить въ жизнь свою новую политическую и административную систему въ Царствѣ Польскомъ. Учрежденіе этого комитета на первый взглядъ было тѣмъ страннѣе, что онъ созданъ былъ рядомъ съ существовавшими еще центральными учрежденіями Царства Польскаго: государственнымъ совѣтомъ, административнымъ совѣтомъ, правительственными комиссіями (министерствами) и

петербургскими органами по дѣламъ Царства Польскаго: главнымъ комитетомъ и статсъ-секретариатомъ. По центральныя учрежденія Царства Польскаго, образованныя или, точиѣ говоря, возстановленныя при Велепольскомъ и составленныя исключительно изъ поляковъ, могли лишь помѣшать Милютину дѣйствовать. Самъ намѣстникъ, стоявшій во главѣ управления Царствомъ, человекъ безпринципный и довольно лукавый, относился къ Милютину ревниво и почти враждебно; въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ находился къ нему и министр-статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго В. П. Платоновъ. Что же касается главнаго комитета по дѣламъ Царства, то онъ былъ созданъ ad hoc, какъ спеціальныи временныи департаментъ имперскаго государственнаго совѣта—спеціально для быстрѣйшаго проведенія черезъ него тѣхъ новыхъ законоположеній, которыя вырабатывались подъ руководствомъ Милютина и его друзей въ учредительномъ комитетѣ. Хотя гр. Бергъ предѣдательствовалъ въ послѣднемъ, но не игралъ въ немъ важной роли: даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему удавалось, вопреки политическимъ видамъ Милютина, оказываться въ большинствѣ противъ какой-либо мѣры, затѣянной Милютинымъ или Черкасскимъ и Соловьевымъ, то по письму или особому мнѣнію этихъ послѣднихъ все дѣло вновь передѣлывалось въ Петербургѣ Милютинымъ и проводилось или черезъ главный комитетъ, или путемъ личнаго доклада государю,—такъ, какъ желательно было Милютину. Такова была сложная механика, при помощи которой Милютинъ ухитрялся, не занимая формально никакого офиціального положенія, диктаторіально управлять дѣломъ кореннаго преобразованія Царства Польскаго, несмотря на наличность намѣстника въ Варшавѣ и особаго министра-статсъ-секретаря въ Петербургѣ. Само собою разумѣется, что дѣло это совершалось не безъ борьбы и не безъ трений, которыя порядочно раздражали и отражались существеннымъ образомъ на ходѣ дѣла и на видоизмѣненіи самой программы.

Приглашая Соловьева принять участіе въ своей миссиі въ письмѣ отъ 23 марта 1864 г., Милютинъ писалъ ему, что главнымъ камнемъ преткновенія для него является вопросъ объ исполнителяхъ его программы на мѣстѣ. „*Современемъ*, — писалъ онъ, — въ самой Польшѣ можно будетъ найти дѣятельныя элементы, чтобы на нихъ опереться, но теперь пока нужны *русскіе дѣтели*, и необходимы они не только вслѣдствіе ненормальнаго положенія края, но и по причинѣ совершеннаго отсутствія организаторскихъ способностей у поляковъ *внѣ ихъ отжившихъ традицій*. Эта способность проснется въ нихъ только тогда, когда связь съ этой традиціей порвется, и явится на сцену новый, невѣдомый въ польской исторіи дѣтель—народъ“. ¹⁾

¹⁾ *Leroy-Beaulieu*, о. с., стр. 282.

Понятно, что для проведенія крестьянской реформы, которая разсматривалась всѣмъ польскимъ обществомъ, какъ демагогическая затѣя и какъ явное покушеніе на права священной шляхетской собственности, нельзя было разсчитывать найти добросовѣстныхъ исполнителей указовъ среди этого самаго общества. Поэтому даже самые строгіе критики Милютина не отрицаютъ, что онъ не могъ поступить въ этомъ случаѣ иначе, какъ пригласить для осуществленія этого дѣла исполнителей изъ Россіи. Сдѣлать это въ тотъ моментъ было особенно удобно, потому что въ Россіи имѣлись дѣятели, подготовившіеся къ этому дѣлу на постахъ мировыхъ посредниковъ внутри имперіи. Въ первую голову были приглашены тѣ изъ нихъ, которые составили себѣ на мѣстахъ извѣстность, какъ убѣжденные защитники крестьянскихъ интересовъ. Они составили кадръ. Въ дополненіе къ нимъ были приглашены болѣе или менѣе образованные офицеры по рекомендаціи военныхъ начальствъ, въ чемъ Милютину могъ оказать существенное содѣйствіе его братъ—военный министр. Наконецъ, черезъ знакомыхъ профессоровъ и черезъ лицъ, близкихъ къ редакціямъ *Дня* и *Московскихъ Вѣдомостей*, Милютинъ выписывалъ молодыхъ людей, только что кончившихъ университетъ. Собраннымъ молодымъ людямъ онъ самъ читалъ лекціи по крестьянскому дѣлу въ Варшавѣ. Въ результатѣ подборъ первыхъ дѣятелей въ Польшѣ—предсѣдателей комиссій и комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ—оказался удачнымъ. ¹⁾ Вслѣдъ за этимъ пришлось пригласить изъ Россіи начальниковъ учебныхъ дирекцій, что было возложено уже на *О. О. Витте*, который былъ назначенъ въ 1865 г. главнымъ директоромъ (министромъ) комиссіи народнаго просвѣщенія. Директоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ, какъ уже было упомянуто, назначенъ былъ еще въ началѣ 1864 г. *кн. В. А. Черкасскій*, явившійся главнымъ довѣреннымъ лицомъ Милютина въ Варшавѣ—его *alter ego*. Главнымъ директоромъ финансовъ въ 1865 г. сдѣланъ былъ *А. И. Кошелевъ*. Дальше другихъ въ польскихъ рукахъ оставался постъ главнаго директора юстиціи, такъ какъ предназначавшійся на это мѣсто *В. А. Арцимовичъ* не согласился его занять и былъ назначенъ вмѣсто того, по ходатайству *Берга*, вице-предсѣдателемъ государственнаго совѣта, которому, впрочемъ, въ виду открытія учредительнаго комитета, нечего было дѣлать и который въ 1867 г. былъ упраздненъ.

Соловьевъ, *Черкасскій* и *Кошелевъ* не владѣли польскимъ языкомъ и упрямо не хотѣли ему учиться. Оба послѣдніе, вступая въ должность главныхъ директоровъ, произнесли рѣчи своимъ сослуживцамъ по-русски, и *Кошелевъ* при этомъ прямо объявилъ имъ, что только тотъ изъ нихъ будетъ имѣть уснѣхъ по службѣ, который выучится рус-

¹⁾ Срав. въ сборникѣ „*В. А. Арцимовичъ*“, ст. *Спасовича*, стр. 703.

скому языку, на что онъ далъ имъ срокъ 6 мѣсяцевъ. Любопытно отмѣтить, что Кошелевъ не сочувствовалъ рѣзкимъ мѣрамъ обрусенія, главнымъ проводникомъ которыхъ сдѣлался скоро Черкасскій, но тѣмъ не менѣе и Кошелевъ ревностно проводилъ русскій языкъ въ дѣлопроизводство всѣхъ зависѣвшихъ отъ него учреждений „мягкими мѣрами“, какъ онъ выражался. 1) Въ учредительномъ комитетѣ вскорѣ открылась глухая борьба между сторонниками Милютина и сторонниками Берга, причемъ на сторонѣ послѣдняго оказались и прибывшіе изъ Россіи Арцимовичъ и Кошелевъ. Обстоятельство это чрезвычайно раздражало Черкаскаго и Соловьева, которые, по мѣрѣ развитія конфликтовъ, все рѣзче и суровѣе направляли свой курсъ въ сторону полной инкорпорации и руссификаціи Польши и непримиримаго отношенія къ полякамъ-чиновникамъ сначала, а подъ конецъ и къ полякамъ вообще. Милютинъ, жившій въ Петербургѣ, лишь по временамъ наѣзжалъ въ Варшаву, причемъ ему постоянно приходилось поддерживать и отстаивать Черкаскаго и Соловьева и парировать „интриги“ Берга противъ него самого и его предпріятій, значенія которыхъ старшій фельдмаршалъ и не понималъ и въ которыхъ усматривалъ обыкновенно лишь подрывъ своей власти. Въ концѣ-концовъ это весьма раздражало и самого Милютина, мало-по-малу втягивавшагося въ борьбу, начатую на мѣстѣ съ польскими учреждениями и съ „полонизмомъ“ въ самой Польшѣ.

Къ крестьянской и учебной реформѣ вскорѣ присоединилась духовная, направленная противъ чрезвычайнаго вліянія католическаго духовенства и входившая въ первоначальный планъ преобразованій, выработанный при участіи Самарина. Реформа эта такъ же, какъ крестьянская и учебная, проведенная диктаторіально, сама по себѣ также не имѣла ничего общаго ни съ инкорпорацией, ни съ руссификаціей Польши, несмотря на весь свой радикализмъ; но она, конечно, затронувала сплѣтѣннѣйшимъ образомъ интересы католическаго духовенства и вносила въ строй польскаго общества совершенно новую струю. Она состояла въ закрытіи большей части монастырей (мужскихъ и женскихъ), въ секуляризациі церковныхъ имуществъ и въ переводѣ всего духовенства на жалованіе отъ правительства. Независимо отъ нея духовенство это подвергнуто было и лично со стороны военно-административныхъ властей ряду тяжелыхъ преслѣдованій за свою прѣкосновенность къ мятежу: большая часть епископовъ и прелатовъ находилась въ это время въ ссылкѣ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Все это придавало правительственнымъ мѣрамъ характеръ похода противъ католицизма

1) Срав. „Записки А. П. Кошелева“, Берлинъ, 1884 г., стр. 142—184, особенно стр. 180—181, а также въ приложеніяхъ особая записка о дѣлахъ Царства Польскаго, представленная Кошелевымъ Александру II, стр. 213—232.

въ Польшѣ, сопровождалось нелѣпыми, но вполне естественными слухами о намѣреніи уничтожить католическое вѣроисповѣданіе въ Польшѣ, повлекло за собой энергическія выступленія противъ Россіи папы Пія IX и завершилось разрывомъ конкордата съ Ватиканомъ по настоянію Милютина (въ 1866 г.). Замѣчательно, однако, что крестьяне, при всей своей набожности, очень сочувственно относились къ отмѣнѣ соборовъ въ пользу духовенства по распоряженію русской власти; но это тѣмъ болѣе подливало масла въ огонь. Много содѣйствовалъ обостренію отношеній личный характеръ Черкаскаго, который былъ человѣкъ страстный и беспощадный и, по свидѣтельству многихъ, любилъ дразнить, ¹⁾ а ему, какъ главному директору внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, подчинено было все католическое духовенство.

Въ сущности по первоначальному плану эти три внутреннія реформы достигали той цѣли, которая выставлена была главными идеологами славянофильской партіи и принята правительствомъ въ 1864 г. Въ Польшѣ, такимъ образомъ, вызвано было къ новой жизни крестьянство, положеніе котораго было радикально улучшено и которому были открыты пути къ свободному развитію и процвѣтанію; польское общество, по крайней мѣрѣ, его новыя поколѣнія были вырваны реформами учебною и духовною изъ рукъ клерикализма. Реформы эти были проведены достаточно радикально. Имъ рукоплескали представители свободной демократической мысли на Западѣ съ Прудономъ во главѣ. Если бы русское правительство удержалось на этомъ, это создало бы наилучшія условія для дальнѣйшаго развитія народной демократической Польши и подготовило бы условія для дѣйствительнаго и рациональнаго улаженія русско-польскихъ отношеній въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что и въ западномъ краѣ были приняты мѣры, которыя, согласно идеямъ Самарина и Гильфердинга, подкосили въ немъ въ корень всѣ данныя для дальнѣйшихъ успѣховъ „полонизма“. Крестьяне и тамъ были радикальнымъ образомъ не только освобождены, но и ограждены отъ всякой власти и возможныхъ притязаній помѣщиковъ; польскій элементъ сколько-нибудь агрессивнаго, а подчасъ и вовсе не агрессивнаго характера, былъ беспощадно искореняемъ драконовскими мѣрами Муравьева и поставленъ рядомъ законодательныхъ стѣсненій и въ будущемъ въ самое жалкое положеніе. Казалось бы, при этихъ условіяхъ ничто не мѣшало въ дальнѣйшемъ предоставить преобразованной столь рѣшительными мѣропріятіями Польшѣ развиваться спокойно по тому демократическому пути, который открытъ былъ для нея этими преобразованіями.

¹⁾ Срав. „Записки А. П. Кошелева“, указ. мѣста, и ст. В. Д. Спасовича объ Арцимовичѣ.

Само польское общество послѣ суровыхъ уроковъ 1863 года проявляло въ это время признаки полного отрезвленія не только отъ всякихъ опасныхъ мечтаній, но даже и отъ желанія какой бы то ни было политической дѣятельности. Это было время, когда польскій народъ, по выраженію одного изъ нынѣшнихъ публицистовъ, „совершенно утратилъ вѣру въ себя“, когда онъ „не только призналъ свои физическія силы недостаточными, чтобы начать когда-либо вновь народную борьбу, но усомнился въ своемъ политическомъ разумѣ, въ своей способности къ самостоятельной активной политикѣ, а тѣмъ болѣе къ отдѣльному государственному бытію“. ¹⁾ Это было время появленія въ Галиціи извѣстной „Teki stanczików“, ²⁾ время возникновенія такъ называемой теоріи „органическаго труда“ (pracy organicznej), призывавшей польское общество и въ особенности молодежь выкинуть изъ головы всякія политическія мечтанія и фантазіи и углубиться всецѣло въ культурную работу и промышленную дѣятельность. Старое поколѣніе было тогда совершенно разгромлено, а молодое пошло за новыми лозунгами. „Послѣ 1864 г. въ жизни польскаго общества наступила пора внутренней работы въ условіяхъ, во многомъ измѣнившихся. Эти новыя условія и сосредоточеніе народнои энергіи вовнутрь стали источникомъ глубокаго переворота въ самомъ строѣ общества и его характерѣ. Главные моменты этого преобразованія—перемѣщеніе центра тяжести народнои жизни въ широкіе слои народа, включая сюда и пассивное прежде простонародье, подъемъ экономической энергіи населенія, ростъ просвѣщенія массъ, демократизація общества и развитіе національнаго сознанія въ сельскомъ сословіи“. Такъ характеризовалъ недавно это время лидеръ партіи „народовыхъ демократовъ“ г. Р. Дмовскій. ³⁾ Начинался какъ разъ тотъ самый поворотъ, вызвать который и являлось главной задачей первоначальнаго плана Самарина и Милютина. Но этого поворота русскіе дѣятели въ Польшѣ еще не замѣчали; напротивъ, натываясь въ своей дѣятельности на постоянное пассивное сопротивленіе, на различнаго рода препятствія, которыя частью исходили даже вовсе и не отъ поляковъ, а частью вызывались рѣзкостью самихъ пріемовъ дѣятельности самихъ реформаторовъ, дѣятели эти озлоблялись и раздражались, впадали въ нетерпѣніе и вырабатывали въ себѣ убѣжденіе, что полякамъ и въ частности польскимъ чиновникамъ ни въ

¹⁾ Романъ Дмовскій: „Германія, Россія и польскій вопросъ“, стр. 1. Срав. также А. Л. Погодина: „Главные теченія польской политической мысли (1863—1904 гг.)“. Слб., 1907 г. Въ этой книгѣ много интересныхъ данныхъ для характеристики тогдашняго настроенія польскаго общества.

²⁾ Срав. W. Feldmann: „Stronnictwa i programy polityczne w Galicyi 1846—1906“. Т. I. Краковъ, 1907.

³⁾ „Германія, Россія и польскій вопросъ“. Слб., 1909 г., стр. 14.

чем и ни подь какимъ видомъ нельзя довѣрять, а съ ихъ словъ это же убѣжденіе мало-по-малу начинало проникать и въ сознание руководителей русской печати, настроеніе которой вообще тогда значительно сдвинулось въ сторону реакціи. Катковъ въ это время окончательно занимаетъ свою поляконенавистническую позицію, а Аксаковъ, незамѣтно для самого себя, отъ теоріи независимой Польши переходитъ къ теоріи борьбы съ полонизмомъ въ самой Польшѣ. ¹⁾

Въ числѣ преобразованій, задуманныхъ Милотинимъ въ 1864 г., но не имѣвшихъ уже столь важнаго политическаго значенія, была реформа финансовой системы Царства Польскаго, связанная отчасти съ ликвидационной операціей по выкупу крестьянскихъ земель, но коснувшаяся впослѣдствіи и косвенныхъ налоговъ, а также имѣвшая самостоятельную важность судебная реформа.

Первая была разработана Кошелевымъ, который пробылъ въ Польшѣ до начала 1866 г., а затѣмъ вышелъ въ отставку, утомленный постоянными пререканіями съ Черкасскимъ и Соловьевымъ, съ которыми онъ далеко не во всемъ соглашался. ²⁾

Судебная реформа должна была быть разработана и проведена подь руководствомъ Арцимовича, но послѣдній оказался въ еще болѣе рѣзкой оппозиціи съ Черкасскимъ и Соловьевымъ, а затѣмъ и съ Милотинимъ. Между нимъ и Милотинимъ, когда-то работавшими въ Россіи плечо къ плечу, здѣсь оказалась такая глубокая разница во взглядахъ, что Арцимовичъ не могъ довести своего дѣла до конца и удалился въ срединѣ 1865 г. Въ этомъ случаѣ разница во взглядахъ, дѣйствительно, была коренная. Арцимовичъ по характеру и по мировоззрѣнію своему стоялъ исключительно на точкѣ зрѣнія отвлеченной справедливости и никакъ не могъ стать на точку зрѣнія политическую. По своимъ взглядамъ онъ сочувствовалъ проведенной въ Польшѣ крестьянской реформѣ вообще, но въ отдѣльныхъ случаяхъ готовъ былъ защищать интересы помѣщиковъ, когда съ формальной точки зрѣнія право, какъ ему казалось, было на ихъ сторонѣ. Кромѣ того, будучи самъ полякомъ по происхожденію, онъ еще менѣе, нежели Кошелевъ, могъ спокойно выносить то огульное осужденіе и недовѣріе къ полякамъ вообще, которое проявляли часто въ чрезвычайно рѣзкой формѣ Черкасскій и Соловьевъ. Въ концѣ-концовъ судебная реформа была отложена и введена лишь въ 1876 г.

Съ 1865 г. учредительный комитетъ по инициативѣ Черкасскаго и

¹⁾ Перемена взглядовъ Аксакова замѣтна уже въ концѣ 1864 г.; вполнѣ опредѣленно она сказывается въ статьяхъ его 1866—67 гг. въ „Москвѣ“ и достигаетъ своего апогея въ „Руси“ (1880—1885 гг.).

²⁾ „Записки А. И. Кошелева“, стр. 180.

Соловьева, поддержанной и Милютинимъ, сталъ мало-по-малу на точку зрѣнія необходимости полной и послѣдовательной инкорпорации Царства.

Впрочемъ, осуществленіе этихъ плановъ выпало уже на долю лицъ, замѣстившихъ Н. А. Милютину и кн. В. А. Черкаскаго. Первый изъ нихъ сошелъ со сцены въ декабрѣ 1866 года, пораженный апоплектическимъ ударомъ; второй вышелъ послѣ того въ отставку. Но мѣры, подготовленныя ими, были осуществлены тотчасъ же вслѣдъ за ихъ уходомъ. Въ декабрѣ 1866 года проведена была губернская реформа съ раздѣленіемъ Царства Польскаго, вмѣсто прежнихъ пяти, на 10 губерній и 84 уѣзда, причемъ въ нихъ были образованы всѣ мѣстныя учрежденія по типу имперскихъ. 10 марта 1867 г. былъ упраздненъ государственный совѣтъ Царства. 28 марта послѣдовалъ именной указъ, которымъ упразднялись административный совѣтъ, правительственныя комиссіи и др. центральныя учрежденія въ Царствѣ Польскомъ съ подчиненіемъ мѣстныхъ по каждому вѣдомству управленій подлежащимъ министерствамъ.

Комиссія народнаго просвѣщенія опять, какъ при Николаѣ, замѣнена была особымъ учебнымъ округомъ съ попечителемъ во главѣ, подчиненнымъ русскому министерству народнаго просвѣщенія. Попечителемъ назначенъ былъ прежній директоръ комисіи, сенаторъ Ѳ. Ѳ. Витте. При немъ уже и раньше начались значительныя измѣненія устава 1864 г. въ сторону руссификаціи школъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ былъ связанъ съ введеннымъ еще въ уставъ 1864 г. вышеупомянутымъ правиломъ, по которому правительство брало на себя заботу о томъ, чтобы въ Царствѣ Польскомъ жители не-польскаго происхожденія имѣли по возможности свою школу, въ которой преподаваніе было бы на языкѣ тѣхъ національностей, которыя въ данномъ мѣстѣ составляли большинство населенія. Въ тѣхъ же видахъ уже въ 1864 г. въ Варшавѣ наряду съ польскими гимназіями учреждены были 1 русская и 1 нѣмецкая. Затѣмъ, въ цѣляхъ лучшаго усвоенія русскаго языка, преподаваніе котораго признавалось неудовлетворительнымъ, еще при Милютинѣ (5 янв. 1866 г.) проведено было распоряженіе преподавать во всѣхъ гимназіяхъ по-русски: русскій языкъ, исторію и географію Россіи. Въ 1867 г. требованіе о томъ, чтобы въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ были открываемы школы съ преподаваніемъ на языкахъ различныхъ національностей замѣняется распоряженіемъ во всѣхъ такихъ мѣстностяхъ ввести во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе *всѣхъ* предметовъ на русскомъ языкѣ. Благодаря этому распоряженію изъ общаго числа 55 среднихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1868 г., въ 20 преподаваніе велось на русскомъ языкѣ. Въ 1868 же году сдѣлано было распоряженіе, чтобы и въ остальныхъ среднихъ школахъ, кромѣ русскаго языка, исторіи и

географіи Россіи, преподавались по-русски также всё физико-математическіе и историческіе предметы. По-польски преподавались лишь латинскій и польскій языки и законъ Божій. Въ маѣ 1870 г. и эти предметы приказано было преподавать по-русски. Въ 1872 г. на польскія губерніи былъ распространенъ новый русскій уставъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, введившій знаменитую классическую систему Толстого.

Въ 1869 г. главная школа преобразована была въ варшавскій университетъ, причѣмъ чтеніе лекцій въ немъ должно было впредь производиться по-русски. Понечитель Витте былъ въ сущности довольно безпринципный чиновникъ, ¹⁾ творившій въ этомъ случаѣ волю министра народнаго просвѣщенія, которымъ былъ въ это время гр. Дм. Андр. Толстой.

Толстой, будучи въ то же время и оберъ-прокуроромъ синода, энергично проводилъ и другую реформу въ Польшѣ, начатую также не безъ участія Черкаскаго,—возсоединеніе униатовъ Холмскаго края. Уніатское духовенство въ Холмскомъ краѣ все было совершенно ополячено. Уніатскіе священники, совершая службу по обряду, близкому къ католическому, проповѣди произносили по-польски. Поэтому еще при Черкасскомъ сдѣланы были попытки приглашенія въ Холмскій край уніатскихъ священниковъ изъ Галиціи, которые могли бы произносить проповѣди по-украински. вмѣстѣ съ тѣмъ молодые люди, готовившіеся въ священники, были отправляемы, по распоряженію правительства, въ кievскую и московскую академіи для прослушанія тамъ курса богословія до своего посвященія. Затѣмъ, въ 1868 г. назначенъ былъ уніатскимъ епископомъ священникъ Куземскій, который шелъ на различные компромиссы съ русскою властью и пытался вводить исподволь нѣкоторые обряды, сблизившіе уніатскую службу съ православною; хлопоталъ о возвращеніи въ уніатство перешедшихъ изъ униіи въ католичество; но всё его старанія не удовлетворили правительства, и въ 1871 г. Куземскій былъ, по его просьбѣ, уволенъ въ отставку. Управлять уніатскою епархіею призванъ былъ священникъ Попель, пошедшій болѣе рѣшительно на встрѣчу правительственнымъ требованіямъ. Подъ его вліяніемъ многіе уніатскіе священники стали переходить къ обрядамъ православною церкви, а народъ во многихъ приходахъ сталъ волноваться и „вывозить“ изъ приходовъ черезчуръ рѣзко мѣнявшихъ обрядъ священниковъ, послѣ чего слѣдовали—въ особенности въ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ дѣйствовала губернаторъ Громека—репрессіи при помощи воинскихъ постоевъ и т. п. Наконецъ въ серединѣ 1873 г. въ Петербургѣ рѣшено

¹⁾ О немъ Кошелевъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ анекдотъ, что онъ однажды на официальномъ обѣдѣ, будучи самъ лютераниномъ, послѣ тоста за здравіе государя императора, провозгласилъ тостъ „за здравіе православія“.

было покончить съ унией совершенно. Рѣшеніе это замедлилось лишь смертью Берга (въ январѣ 1874 г.). Но съ 1875 г. стали отбирать отъ прихожанъ униатскихъ приходовъ подписи о желаніи ихъ воссоединиться съ православіемъ, и къ лѣту этого года всѣ приходы признаны были „добровольно воссоединившимися“, послѣ чего началось дѣлательное преслѣдованіе „упорствующихъ“ и „отпадающихъ“ въ католичество, число которыхъ до 90-хъ гг. достигало 80,000. Насильственное обращеніе униатовъ и преслѣдованіе упорствующихъ составляетъ несомнѣнно одну изъ самыхъ позорныхъ сторонъ русской политики въ Польшѣ послѣ 1864 года.

Еще въ 1868 г. русскій языкъ объявленъ былъ официальнымъ языкомъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Царства Польскаго. Въ 1876 г., наконецъ, введена была въ польскихъ губерніяхъ судебная реформа, которая состояла въ распространеніи на этотъ край судебныхъ уставовъ императора Александра II, но съ весьма существенными изъятіями: новые суды введены были безъ участія присяжныхъ засѣдателей, а мировые судьи (исключительно въ городахъ) по назначенію отъ правительства. Судопроизводство и судоговореніе должны были совершаться на русскомъ языкѣ. Одновременно реформированъ былъ и гминный судъ, причемъ вмѣсто прежнихъ судовъ, созданныхъ 19 февраля 1864 г. по типу русскихъ волостныхъ судовъ, образованы были суды въ составѣ выборнаго гминнаго судьи съ нѣкоторымъ образовательнымъ цензомъ и лавниковъ, представляющихъ собою участіе народнаго элемента (вродѣ германскихъ шеффеновъ). Апелляціонной инстанціей сдѣланъ былъ съѣздъ мировыхъ и гминныхъ судей.

Съ введеніемъ судебныхъ уставовъ упразднены были варшавскіе департаменты сената, причемъ варшавскій судебный округъ подчиненъ былъ на общемъ основаніи министру юстиціи, а кассационной инстанціей по отношенію къ варшавской судебной палатѣ явились кассационные департаменты имперскаго сената.

Въ 1871 г. закрытъ былъ учредительный комитетъ, въ 1874 г. уничтожено званіе намѣстника, въ 1876 г. упразднена была собственная Его Величества канцелярія по дѣламъ Царства Польскаго (прежній статсъ-секретариатъ), а въ 1881 г. закрытъ былъ и главный комитетъ. Съ этимъ вмѣстѣ стерлись послѣдніе слѣды бывшей административной автономіи Польши, и самое названіе Царства Польскаго исчезло изъ официальныхъ актовъ, замѣненное вновь изобрѣтеннымъ названіемъ Привислянскаго края.

Въ 1880 г., послѣ выхода въ отставку перваго варшавскаго генералъ-губернатора гр. Коцебу, генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ генералъ Альбединскій—человѣкъ свѣтскій, дружившій съ польской аристократіей и пытавшійся проводить политику примиренія съ польскимъ

обществомъ. Въ короткое время своего управленія, совпавшаго съ такъ называемой „эпохой диктатуры сердца“ въ Россіи, быстро смѣнившейся реакціей, наступившей послѣ смерти Александра II, Альбединскій не успѣлъ провести въ сущности ничего важнаго. Онъ успѣлъ лишь выхлопотать Высочайшее повелѣніе объ увеличеніи числа часовъ польскаго языка въ гимназіяхъ, „уравнившее“ въ этомъ отношеніи польскій языкъ, по ироническому замѣчанію одного изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ, съ другими иностранными языками (т.-е. французскимъ и нѣмецкимъ), ¹⁾ а также дозволеніе открыть въ варшавскомъ университетѣ кафедрѣ исторіи польской литературы, впрочемъ, въ связи съ другими славянскими литературами. Но и на этомъ пути Альбединскій встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны попечителя учебнаго округа Апухтина, занявшаго свой постъ еще въ 1879 г., послѣ смерти Витте, и явившагося убѣжденнымъ и упорнымъ сторонникомъ обрусенія Польши и принципиальнымъ ненавистникомъ всего польскаго. Послѣ отставки гр. Толстого (въ 1880 г.), при либеральныхъ министрахъ народнаго просвѣщенія Сабуровъ и бар. Николай и при стремившемся къ примиренію съ польскимъ обществомъ Альбединскомъ, Апухтину не легко было проводить свои взгляды, и онъ, несомнѣнно, чувствовалъ себя въ эти годы не совсѣмъ твердо. Но съ 1882 г., когда постъ министра народнаго просвѣщенія занялъ Деляповъ, и въ особенности съ 1883 г., когда умеръ Альбединскій, которому поляки устроили демонстративныя похороны, положеніе Апухтина совершенно окрѣбло, тѣмъ болѣе, что между нимъ и назначеннымъ вмѣсто Альбединскаго генераль-губернаторомъ Гурко въ первые годы правленія послѣдняго установились хорошія отношенія. Время это, совпавшее съ усиленіемъ реакціи въ Россіи, было безспорно самымъ тяжелымъ временемъ для поляковъ Царства Польскаго. Гурко не былъ такимъ ненавистникомъ поляковъ, какимъ былъ Апухтинъ, онъ не имѣлъ въ виду во что бы то ни стало отравить имъ существованіе, и въ концѣ восьмидесятихъ годовъ онъ даже явно разошелся съ Апухтинымъ, не одобряя крайностей той поляконенавистнической системы, которую проводилъ этотъ послѣдній. Но Гурко былъ типичный военный генераль, получившій свое воспитаніе еще въ николаевскія времена (онъ вышелъ въ офицеры въ 1846 г.), притомъ назначенный на свой постъ въ Варшаву въ такой моментъ, когда тамъ „русское дѣло“, по мнѣнію большей части русскихъ военныхъ и высшихъ чиновниковъ, заколебалось, благодаря „попустительствамъ“ Альбединскаго. Поэтому Гурко смотрѣлъ съ самаго начала на свое назначеніе, какъ на боевую миссію, являющуюся въ его глазахъ продолженіемъ дѣла, начатаго Милютиннымъ

¹⁾ *Sz. Askenazy: „Sto lat zarządu w krolestwie polskiem (1800—1900)“.* Lwów, 1903, стр. 86.

и Черкасскимъ, память которыхъ онъ искренно чтлъ, игнорируя, конечно, тѣ исходные пункты милютинской политики, отъ которыхъ и самъ Милютинъ отошелъ, какъ мы видѣли, довольно далеко въ концѣ своей дѣятельности. Обрусительная политика достигла при Гуркѣ своего апогея: не только высшіе, но и мелкіе чиновники въ правительственныхъ учрежденіяхъ и даже на желѣзныхъ дорогахъ замѣнены были русскими, русскій языкъ былъ введенъ въ дѣлопроизводство даже частныхъ общественныхъ учрежденій, все набравшіяся въ Польшѣ новобранцы отсылались на службу въ отдаленныя восточныя или кавказскія губерніи; уничтожены были послѣдніе слѣды обособленности польскаго края: упраздненъ былъ польскій банкъ, превращенный въ контору русскаго государственнаго банка, изъята изъ обращенія мелкая размынная монета польскаго чекана, вывѣски на магазинахъ и различныя объявленія, публично вывѣшиваемыя, приказано было непремѣнно переводить на русскій языкъ; въ казенныхъ школахъ воспитанникамъ запрещалось говорить между собой по-польски, даже въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ введено было преподаваніе всехъ предметовъ на русскомъ языкѣ; наконецъ, приказано было и въ сельскихъ школахъ обучать дѣтей по-русски даже католическому закону Божьему, вслѣдствіе чего ксендзы отказывались отъ преподаванія. На этомъ пунктѣ и произошелъ, наконецъ, конфликтъ между Апухтинымъ и Гурко, который призналъ эту мѣру неразумной и по поводу ея представилъ петербургскому правительству особую записку съ критикой апухтинской системы. Конфликтъ этотъ не повелъ однако за собой отставки Апухтина, который пересидѣлъ и Гурко и назначеннаго послѣ него гр. Шувалова (1894—1896 гг.); друга императора Вильгельма, бывшаго берлинскаго посла, управление котораго, впрочемъ, ничѣмъ существеннымъ не ознаменовалось. Лишь съ назначеніемъ въ 1897 г. на постъ генераль-губернатора кн. Имеретинскаго, потребовавшаго прежде всего увольненія Апухтина, въ курсѣ русской политики въ Польшѣ стала замѣчаться нѣкоторая переменна.

Правительственныя мѣры, направленныя къ тѣсному сліянію польскихъ губерній съ имперіей и къ обрусенію населенія Польши, разумѣется, оказались столь же безрезультатными, какъ и тѣ, которыя приняты были при Николаѣ, и Милютинъ, если бы онъ дожилъ до конца XIX вѣка, могъ бы столь же основательно сказать, какъ онъ это сказалъ въ своей запискѣ 1864 г., что намъ не удалось обрусить ни одного поляка, раздражили же мы поляковъ этими мѣрами въ высочайшей степени. Мѣры эти не только не имѣли внутренней логической связи съ тѣми глубокими преобразованіями, которыя внесены были во внутренній строй и развитіе польскаго народа и общества осуществленіемъ первоначальнаго плана Милютина, но онѣ во многомъ затруднили развитіе тѣхъ послѣдствій, которыя должны были получиться отъ точнаго

осуществленія этого плана. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно той варварской школьной политики, начало которой положено было прежде всего измѣненіемъ взглядовъ въ этой сферѣ самого Милютина, и въ особенности его главнаго сотрудника въ Варшавѣ кн. Черкаскаго, руководительство которой попало затѣмъ въ руки гр. Д. А. Толстого и его агентовъ и которая была наконецъ доведена до абсурда Апухтинымъ. Правильно задуманное въ 1864 г. широкое распространеніе въ польскомъ обществѣ научныхъ началъ мышленія, при помощи хорошо поставленной системы народнаго просвѣщенія, было затѣмъ совершенно исковеркано послѣ того, какъ въ школьное дѣло внесена была, вопреки программѣ 1864 г., самая энергичная и озлобленная политика и русификаціонная система, сопровождавшаяся уродливымъ толстовскимъ классицизмомъ. Чтобы судить объ упадкѣ учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, достаточно сказать, что тогда какъ въ 1866 г. варшавская главная школа насчитывала 1302 слушателя, въ 1872 г., когда она была превращена въ русскій университетъ, въ немъ осталось всего 445 студентовъ. Молодежь предпочитала уѣзжать въ заграничные университеты (особенно въ львовскій) или даже въ русскіе (въ кievскій, московскій и петербургскій, одесскій, харьковскій и даже казанскій), но не всеѣмъ это было доступно. Едва ли нужно доказывать, что преобразование университета сопровождалось значительнымъ паденіемъ уровня университетскаго преподаванія, такъ какъ польскіе ученые изъ него ушли, а изъ русскихъ ученыхъ назначаемы были по большей части далеко не первоклассные.

Еще въ большей степени отразилась апухтинская система на развитіи начальной школы. Въ первое время послѣ осуществленія крестьянской реформы и введенія школьнаго указа 30 августа 1864 г. число начальныхъ школъ стало быстро расти, чему способствовали: 1) возможность облагать въ пользу школъ не однѣ крестьянскія, а *всѣ* земли гмины (благодаря ей всеословности), и 2) тѣ казенныя вспомошествованія деньгами и строительными матеріалами, которыя щедро отпускались на это дѣло. Благодаря этимъ обстоятельствамъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ дѣятельности учредительнаго комитета въ Царствѣ польскомъ число школъ, почти не увеличивавшееся со времени эдукаціонной комиссіи, сразу возросло съ 1,123 до 1,800. Но затѣмъ, когда пошла въ ходъ русификаторская система, ростъ этотъ сразу прекратился: естественно, что гминные сходы не желали давать приговоры на открытіе школъ, въ которыхъ дѣти крестьянъ не могли учиться на родномъ языкѣ и изъ которыхъ благодаря этому исключался законъ Божій. Послѣднее обстоятельство давало въ руки ксендзовъ хорошее орудіе для возстановленія крестьянъ противъ русской школы, а вмѣстѣ и для упроченія своего вліянія на нихъ. Ясно, какъ должна была за-

медлять эта система созданіе въ Польшѣ сознательнаго и самостоятельнаго крестьянскаго сословія.

Весьма убѣдительную критику этой системы представилъ въ 1897 г. въ своемъ извѣстномъ отчетѣ новый варшавскій генералъ-губернаторъ кн. Имеретинскій. Въ отчетѣ этомъ князь Имеретинскій указывалъ на банкротство во многихъ отношеніяхъ примѣняемой въ Польшѣ системы и прежде всего на то, что крестьянство, на которое объединители Польши съ Россіей всегда указывали, какъ на незыблемую опору для русской власти, едва ли можетъ быть разсматриваемо, какъ таковая, послѣ всѣхъ тѣхъ измѣненій въ политикѣ Милютина, которыя послѣдовали съ 1865 года.

Но какъ ни важны были затрудненія, созданныя обрусительной политикой въ Польшѣ для достиженія тѣхъ послѣдствій, которыхъ Милютинъ справедливо ожидалъ отъ своей системы въ 1864 г., все же послѣдствія эти въ значительной мѣрѣ наступили, хотя многія изъ нихъ и оказались въ достаточной мѣрѣ искаженными. Дѣйствіе основныхъ реформъ Милютина, положившихъ начало полной демократизаціи Польши, было слишкомъ значительно, чтобы его могли устранить даже и тѣ неразумныя мѣры, которыми отравлялся нормальный ходъ дѣлъ въ Польшѣ въ послѣдующія десятилѣтія. Къ тому же внутри самого польскаго общества, отчасти подъ вліяніемъ крестьянской реформы, а въ значительной мѣрѣ и независимо отъ нея, сложился рядъ условій, содѣйствовавшихъ демократизаціи общества и способныхъ подорвать тѣ клерикальныя и романтическія традиціи, которыми жили прежнія поколѣнія. Главную роль здѣсь сыграло то мощное промышленное развитіе страны, которое началось еще во времена конституціоннаго Царства Польскаго и которое затѣмъ чрезвычайно усилилось, благодаря окончательному уничтоженію таможенной черты на русской границѣ въ 1851 г. Послѣ 1863 г. явились новые факторы, способствовавшіе продолженію этого развитія—такіе, какъ крестьянская реформа, улучшившая условія внутренняго рынка, и постройка ряда желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и Польшѣ, которыя способствовали могущественнымъ образомъ расширенію внѣшняго рынка на востокъ, создававшего для польской промышленности небывалые горизонты. Совпаденіе этихъ новыхъ торгово-промышленныхъ конъюнктуръ съ моментомъ полнаго крушенія прежнихъ романтическихъ грезъ, которыми жило польское общество до возстанія 1863 г., обусловило возникновеніе въ его средѣ новаго идеологическаго теченія, о которомъ мы уже упоминали, выступившаго подъ знаменемъ „органическаго труда“. Это новое теченіе являлось столь же рѣшительнымъ врагомъ и романтики и клерикализма, какъ тѣ представители русской государственной власти, которые собиравшісь образовать новую демократическую Польшу при помощи крестьянской реформы,

раціональнаго просвѣщенія и цѣлой системы мѣръ, направленныхъ противъ клерикализма. Самый талантливый и сильный вождь этого направленія, Александръ Свентоховскій, такъ характеризовалъ перемѣну, происшедшую въ польскомъ обществѣ послѣ возстанія и разгрома 1863 г.: „Если правда, что человекъ можетъ посѣдѣть въ одну страшную минуту, то нашъ народъ посѣдѣлъ 17 лѣтъ тому назадъ“,—Свентоховскій писалъ это въ 1881 г.—„съ этой минуты,—говоритъ онъ,—мы измѣнились до неузнаваемости“... ¹⁾

„Очевидно,—писалъ въ 1868 г. другой ранній представитель этого направленія, Янъ Гемпель,—что наше общество призвано жить на совершенно новыхъ основахъ. Старыя стѣны его обратились въ развалины, и, каковы бы ни были мнѣнія различныхъ мыслителей объ этомъ разрушеніи, всѣ мы обязаны смѣло и трезво смотрѣть на это разрушеніе и принятыя общими усиліями за постройку новаго зданія общественной жизни“ ²⁾. Движеніе это, сдѣлавшееся въ семидесятыхъ годахъ главнымъ руководителемъ молодого поколѣнія въ Польшѣ, извѣстно въ новѣйшей исторіи польскаго общества подъ названіемъ „польскаго позивитизма“. Ближе всего оно соответствуетъ тому направленію русскаго критическаго реализма, главнымъ представителемъ котораго въ 60-хъ годахъ являлся Писаревъ. Главный пророкъ польскаго позивитизма Александръ Свентоховскій своими первыми выступленіями, какъ уже было замѣчено въ литературѣ, сильно напоминаетъ своего русскаго собрата. Разница между ними та, что Писаревъ умеръ очень рано и наслѣдниками его идей явились люди другого направленія—отцы будущаго народничества, включившіе его формулу борьбы за освобожденіе личности въ другую болѣе широкую формулу, вторая часть которой вела къ борьбѣ за воплощеніе справедливости въ общественныхъ формахъ. Г. Свентоховскій дожилъ до нашихъ дней и успѣлъ въ свое время самъ развить свое реалистическое міровоззрѣніе до конца и вывести изъ него опредѣленную формулу практической политики, которая направляла польскую молодежь и къ „работѣ у основъ“, заключавшую въ себѣ зародышъ польскаго народничества, и къ широкой культурной технической и промышленной дѣятельности, осмѣивая при этомъ старыя шляхетскіе предрасудки и стараясь освободить умы отъ клерикальныхъ вліяній. Въ концѣ-концовъ, это была горячая и сильная проповѣдь *буржуазнаго демократизма*, которая приходилась какъ разъ кстати для общества, потерявшаго всякую политическую самостоятельность и въ то же время имѣвшаго поредъ собой всѣ данныя для сильнаго развитія промышленной дѣятельности и даже для обширныхъ промышлен-

¹⁾ *Prawda* за 1881 г., № 1.

²⁾ „*Stanowiska pracy w rozwoju społecznym*“. W., 1861 г. Цитирую по книгѣ проф. А. Л. Погодина „*Главные течения польской политической мысли*“, стр. 105.

ныхъ завоеваній. Этимъ путемъ польское общество и направилось, достигая на немъ громаднхъ успѣховъ, несмотря на весь политическій гнетъ, который ему приходилось испытывать.

Лишь въ 80-хъ гг., когда развившаяся фабрично-заводская промышленность подготовила въ Польшѣ условія для возникновенія рабочаго движенія и социализма, въ рядахъ новой польской интеллигенціи началось внутреннее разложеніе и борьба, въ которой представителямъ теоріи „органическаго труда“ приходилось уже занимать охранительныя позиціи.

Впрочемъ, первыя формациі польскаго социализма, въ значительной мѣрѣ связанныя съ русскимъ социально-революціоннымъ движеніемъ, были совершенно чужды всякихъ націоналистическихъ стремленій и чувствъ, онѣ направлялись на борьбу съ социальнымъ гнетомъ капитализма и если становились во враждебное отношеніе къ правительству, то не потому, что оно было русское, а потому, что оно поддерживало существующій социальный строй.

Такимъ образомъ едва ли можно отрицать, что къ началу 80-хъ гг. въ той новой Польшѣ, которая сложилась къ тому времени подъ вліяніемъ всѣхъ вышеуказанныхъ факторовъ, въ сущности разорваны были почти всѣ связи съ традиціями прежней Польши, жившей романтическими грезами. Если бы въ этотъ моментъ русское правительство вернулось къ основной программѣ, выставленной славянофилами и Милотиннымъ въ 1863 г., и признало бы своевременнымъ отказаться отъ того диктаторіальнаго пути, которымъ оно до сихъ поръ осуществляло въ Польшѣ свои преобразованія, а вмѣсто того предоставило бы этой обновленной для новой жизни странѣ развиваться далѣе самостоятельно по пути того демократическаго развитія, сойти съ котораго она уже очевидно не могла, то, можетъ быть, польскій вопросъ къ нашему времени, по крайней мѣрѣ, въ Царствѣ Польскомъ, былъ бы уже благополучно разрѣшенъ.

Наступившій вмѣсто того періодъ крайняго угнетенія польской національности при Апухтинѣ и Гурко естественно вызвалъ въ польскомъ обществѣ соотвѣтственную реакцію. Угроза денационализаціи, осуществляемая притомъ въ грубыхъ и возмутительныхъ формахъ, не могла не вызвать въ полякахъ стремленія къ защитѣ своихъ національныхъ правъ. Теченіе это выразилось въ возникновеніи особой національно-демократической партіи, которая рѣзко протестовала и противъ аполитизма, привитаго польскому обществу направленіемъ польскаго позитивизма (теоріи „органическаго труда“), и противъ того космополитизма или интернационализма, который присущъ былъ первымъ социалистическимъ организаціямъ въ Польшѣ.

Пионерами новаго націоналистическаго движенія выступили въ сер-

длинъ 50-хъ гг. нѣкоторые изъ старыхъ польскихъ эмигрантовъ за границей и небольшіе кружки студенческой молодежи, образовавшіеся на организациі „активной защиты“ противъ обрусительныхъ мѣръ Апухтина. Въ столѣтнюю годовщину конституціи 3 мая 1791 г. имъ удалось уже организовать большую уличную демонстрацію на улицахъ Варшавы. Въ нѣсколькихъ брошюрахъ, изданныхъ въ 1892—1894 гг., общество приглашалось къ организациі систематической борьбы съ правительствомъ, стремящимся къ денационализациі поляковъ. „Правительству завоевателей, опирающемуся на жандармовъ и штыки, мы противопоставляемъ,—сказано было въ одной изъ этихъ брошюръ,—внутреннее народное правительство, опирающееся на моральную силу!“

Впрочемъ, движенію этому удалось организовать въ опредѣленную политическую партію не ранѣе 1897 г.; широкое же развитіе партія эта начала получать лишь послѣ 1898 г., когда выяснилась вполнѣ неудача налаживавшагося, какъ казалось, мирнаго соглашенія между русскимъ правительствомъ и польскимъ обществомъ послѣ вступленія въ должность варшавскаго генераль-губернатора кн. Имеретинскаго и увольненія въ отставку попечителя Апухтина. Надежда на возможность такого соглашенія, подъ условіемъ прекращенія обрусительной политики и признанія за поляками правъ на развитіе національной культуры и на введеніе въ Польшу тѣхъ органовъ самоуправленія, какіе существовали въ Россіи, охватила тогда широкіе круги населенія, что ярко сказалось въ шумныхъ манифестаціяхъ, которыми встрѣтила Варшава въ 1897 г. посѣтившаго ее молодого Императора Николая II.

Черезъ годъ однако же поляки убѣдились, что никакихъ серьезныхъ уступокъ имъ сдѣлано не будетъ, и въ 1898 г. заграничные органы враговъ „угодовческаго“ движенія уже могли съ торжествомъ заявить, что угодовцевъ (т.-е. партіи соглашенія) уже больше не существуетъ. И теперь противъ нихъ съ чрезвычайною рѣзкостью выступили и вожди польской социалистической партіи, которая къ этому времени совершенно утратила свой прежній космополитизмъ и приняла также въ свою программу борьбу за независимость Польши. Когда же послѣ смерти кн. Имеретинскаго въ 1900 г. на постъ генераль-губернатора назначенъ былъ явный реакціонеръ и почти такой же поляконенавистникъ, какъ Апухтинъ, генераль Чертковъ, то даже и тѣ поляки, которые принадлежали къ „угодовой“ партіи, утратили всякія надежды на возможность какихъ-либо уступокъ со стороны русскаго правительства.

Партія народной демократіи въ первой своей программѣ, опубликованной въ 1897 г., выступила, какъ партія революціонная. Цѣлью своею она выставила независимость Польши, а средствомъ—вооруженное возстаніе. Но по мѣрѣ того, какъ составъ ея расширился вслѣдствіемъ въ ея ряды многихъ разочаровавшихся въ состоятельности попытки

соглашенія съ русскимъ правительствомъ и, съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ она убѣждалась, что борьба, завязавшаяся между правительствомъ и обществомъ въ самой Россіи, можетъ привести къ серьезнымъ переменамъ внутри Россіи, по мѣрѣ того, какъ приближалась такимъ образомъ и для польскихъ національ-демократовъ возможность открытаго и отвѣтственнаго выступленія,—партія эта все болѣе и болѣе измѣняла свою тактику въ сторону реализма. Впрочемъ, уже и въ 1899 г., отстаивая идеалъ польской независимости, органъ національно-демократической партіи „Всепольское обозрѣніе“ писалъ: „Иѣтъ сомнѣнія, что будущая независимая Польша возникнетъ не въ тѣхъ границахъ и не въ той исторической формѣ, въ какой существовала Рѣчь Посполитая въ XVIII вѣкѣ“. Слѣдовательно, теперь уже и самими націоналистами не ставился вопросъ о возстановленіи Польши „отъ моря до моря“. Впрочемъ, и въ этой въ общемъ довольно трезвой статьѣ затѣмъ говорилось: „Въ какихъ бы формахъ, въ какихъ бы границахъ ни возникла Польша, хотя бы она была маленькимъ государствомъ или автономной частью большого цѣлаго, она должна будетъ, если окажется жизнеспособнымъ организмомъ, стремиться охватить тѣ пространства, которыя составляютъ ея естественное достояніе, очерчены естественными границами и соотвѣтствуютъ ея національнымъ и экономическимъ интересамъ“. Въ этихъ словахъ можно было видѣть угрозу возможной въ будущемъ борьбы между освобожденной Польшей и Россіей за западный край. Впослѣдствіи идея возстанія и борьбы за независимость Польши была совершенно вычеркнута изъ практической программы партіи и на первый планъ выдвинута была культурная борьба за сохраненіе національности. При этомъ партія эта вполнѣ учитывала тотъ переворотъ въ строѣ польскаго общества, который произошелъ со времени возстанія 1863 г. подъ вліяніемъ крестьянской реформы и новыхъ экономическихъ конъюнктуръ, сложившихся въ русской Польшѣ. Поэтому партія эта совершенно разорвала съ идеями прежней шляхетской республики: базисомъ, на которомъ она желала опираться въ странѣ, должно было быть обновленное крестьянской реформой крестьянство. Къ сожалѣнію, просвѣщеніе этого крестьянства не пошло такъ далеко, какъ это предполагалось по первоначальному плану Милютина. И просвѣщеніе это національно-демократическая партія ставитъ теперь одной изъ главныхъ своихъ задачъ. Въ этомъ сказывается тотъ вредъ, который принесла система Апухтина. Ибо всетаки можно опасаться, что національно-демократическая партія въ это просвѣщеніе внесетъ значительную долю клерикализма, такъ какъ, освободившись отъ шляхетскихъ преданій, она не освободилась, къ сожалѣнію, отъ довольно тѣсной связи своей съ клерикализмомъ. Римско-католическая церковь въ Польшѣ признается ею за „національное учрежденіе“, какъ сказано въ

ея программѣ 1903 г., и въ духѣ этой церкви она, несомнѣнно, попытается вести просвѣщеніе народныхъ массъ, поскольку это отъ нея зависитъ. Въ этомъ, несомнѣнно, сказываются въ значительной мѣрѣ послѣдствія той излишней непримиримости и ожесточенности, съ которой велась въ Польшѣ въ эпоху расцвѣта обрусительной политики борьба съ католическимъ духовенствомъ, которое тѣмъ самымъ въ глазахъ каждаго поляка-патріота, даже вполнѣ равнодушнаго къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, представляется и теперь окруженное ореоломъ мученичества и подвижничества въ дѣлѣ борьбы за польскіе національные интересы.

Таковы результаты обрусительной политики въ Польшѣ.

Обзоръ внутреннихъ отношеній, какъ они складывались въ этой многострадальной странѣ въ послѣдніе годы подъ вліяніемъ сильно отозвавшихся тамъ революціонныхъ событій и какъ они складываются въ настоящее время, не входитъ въ рамки этой и безъ того затянувшейся статьи.

Русская политика въ Польшѣ въ эти годы не нашла себѣ какого-либо опредѣленнаго русла. Занимавшій съ 1905 г. постъ варшавскаго генераль-губернатора, умершій въ прошломъ году, генераль-адъютантъ Скалонъ склонялся, повидимому, къ примирительной политикѣ въ духѣ кн. Имеретинскаго; но политика эта не согласовалась съ настроеніемъ центральнаго правительства въ Петербургѣ. Такъ продолжалось до извѣстнаго воззванія верховнаго главнокомандующаго, съ котораго начинается, очевидно, новая эра въ отношеніяхъ русской власти къ польскому вопросу,—эра, къ которой относятся, безъ сомнѣнія, съ полной симпатіей широкіе круги русскаго общества.

Нельзя отрицать, что возможность наступленія этой эры все же подготовлена въ значительной мѣрѣ основною реформою Милютина; ибо, несмотря на всѣ позднѣйшія искаженія первоначальной милютинской программы, на почвѣ этой реформы выросла современная демократическая Польша. А только съ демократической Польшей Россія и можетъ имѣть надежду окончательно размежеваться на справедливыхъ и приемлемыхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ.

А. Корниловъ.